

СЕТТЕРА

ТАЙНОПИСЬ
ВИДЕНИЙ

Диана Ибрагимова

Сетерра

Диана Ибрагимова
Тайнопись видений

«РОСМЭН»

2018

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ибрагимова Д.

Тайнопись видений / Д. Ибрагимова — «Росмэн»,
2018 — (Сетерра)

ISBN 978-5-353-08953-7

Вторая книга серии «Сетерра» Дианы Ибрагимовой, победителя VIII сезона литературного конкурса «Новая детская книга». Мир Сетерры милосерден. Ведь дети, рожденные в затмение, под черным солнцем, – живой дар всем людям. Добрые, сильные, справедливые дети-чувства. Не будь этих детей с разными добродетелями и одной общей Целью, Сетерра утонула бы в крови. Но люди не приняли великого дара и продолжают ненавидеть, предавать, изобретать новые способы убийства друг друга. И терпение черного солнца на исходе. Что же делать безногому калеке, бродячему артисту, одинокой дикарке и наследному принцу, когда мир Сетерры медленно, но верно клонится к закату? Может, послушать того, кто наблюдает за ними в своих снах?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08953-7

© Ибрагимова Д., 2018

© Росмэн, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	44
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Диана Ибрагимова
Тайнопись видений
Роман

© Диана Ибрагимова, текст, 2018

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2018

Пролог

Питая надежду, я отправился в Чаин – страну заходящего солнца, ибо для прималей нет в мире места благодатней. Та м я собирался заручиться поддержкой высокопоставленных чиновников, а может, и самого императора.

Уши чайнцев чутки к словам прималей. Наравне с вестниками света – провидцами – им несут подношения и благоговейно боятся, считая посланниками темного Бога-Близнеца.

Чайнцы изображают солнце в виде золотого чудища с фиолетовой маской. Когда-то оно было двумя Драконами, парящими в небесах. И один помогал людям взрастить хлеб, согревал теплом и отгонял хищников, а другой проклинал землю и палил ее дотла. Ибо не хотел он быть привязанным к Сетерре, а мечтал порвать ненавистные путы и взвиться бумажным змеем в далекую темноту.

Но Близнецы родились, дабы выполнять долг и оберегать мир людей, и не было им свободы. Уходя на покой, суровая Мать-солнце велела первому сыну занять свой пост, а второго заточила в звездную тюрьму. С тех пор добрый Близнец льет на землю благодатные лучи два дня подряд, но на

третий, не вынеся страданий несчастного брата, выпускает его на волю. Давно нет в Черном Драконе прежних сил, лишь яд змеи, которому не дотянуться до планеты. Но одного не знает светлый Близнец. Что, выходя, брат становится маской на его лице, покрывает глаза пеленой ненависти и заставляет низвергать на землю яростное пламя. Так, в представлении чаинцев, выглядит солнечное затмение.

(Из черновиков книги «Легенды затмения» отшельника Такалама)

* * *

Сезон дождей в этот год был особенно яростен: деревянные полы открытых комнат вспучились под толстым слоем лака, гнили и гнили цветы, крыша прохудилась в нескольких местах. Пришлось нанимать рабочих, и целых два дня они стучали и скрежетали, не давая спать никому в храме. Это нарушило сроки, и многие господа, не получив предсказаний, остались недовольны. Они отменили поездки и встречи, а император закрыл доступ во дворец даже для высоких чиновников.

Долгожданный покой вернулся в стены храма только с приходом суток Черного Бога, но настоятель Цу-Дхо не отдыхал и тогда. Нужно было раздать уйму распоряжений, прочесть каждую запись провидцев и приготовить к отправке: после затмения у ворот соберется толпа с требованием немедленно выдать предсказания. И нельзя ничего спутать или забыть. Настоятель Цу-Дхо сильно полагался на старших помощников, но все же не мог переложить на них основные обязанности, и большую часть работы приходилось делать самому.

Под утро, когда маска Змёя вот-вот должна была сойти с лица Белого Бога, он вернулся в комнату и прилег на бархатный матрас, но не успел и минуту понежиться в расслаблении, как послышался звон колокольчиков.

Цу-Дхо открыл правый глаз и поглядел на окно. Из отверстия, нарочно оставленного в деревянном заслоне, падал на ковер луч света – затмение сменилось обычным днем.

Настоятель беззвучно выругался и попросил прощения у Богов за мысленное сквернословие. Он мечтал об отдыхе, кого принесло в такую рань?

– Белый Дракон благословил нас! – произнес тоненький голос младшего ученика.

Мальчик зажег в гостевой лампу и топтался у двери в покои Цу-Дхо – прямоугольной рамы, затянутой шелком. Силуэт воспитанника, четкий и ровный, словно вырезанный из теневой кальки, перекрывал нарисованные на полотне георгины.

– Светлый час настал, – без особой радости прокричал старик, поднимаясь и ища в полутьме шерстяную обувь. – Явились за предсказанием?

– Прибыл чиар¹ с новым провидцем, – отчеканил мальчик. – Он уже дважды приходил, но вы отсылали его, потому что были заняты.

Настоятель потер опухшие от бессонницы глаза и с трудом удержался от распоряжения гнать этого чиара в шею. Он поднялся, прошлепал к фарфоровой чаше и смыл пот, вызванный духотой давно непроветриваемой комнаты, затем открыл окно и вдохнул брызги ливня. Тканевые стены всколыхнулись от ветра. Они надувались, подобно парусам, и опадали, когда сквозняк вытягивал наружу спертый воздух покоев.

– Скажи ему, пусть ждет у ворот, я сейчас приду.

– Да, настоятель.

¹ Чиар – человек, который ищет по всему Чаину, а иногда и за его пределами детей с даром предсказания, выкупает их из семей и за большую цену продает в храмы Богов-Близнецов.

Цу-Дхо надел соломенную шляпу, пропитанную смоляным составом. К ее широкому полям была пришита непромокаемая накидка, закрывавшая тело с головы до ног и служившая вместо дождевика.

Настоятель закутался в нее и, вдохновленный красотой мокрого шиповника в саду, сочинил:

*– Сезон дождей.
В каждой капле алмазы
Улитки пьют...*

Чиар ждал под крышей беседки у входных ворот. Он был абсолютно лысый, но до того пышнобородый, словно все волосы с головы переселились в нижнюю часть лица. Рядом топтался мальчик в дорогих темных одеждах, не подходивших бамбуковой шляпе, которую, видно, купили совсем недавно.

– Приветствую, настоятель, – сказал чиар, церемонно закуривая трубку из слоновой кости. Вещь была богато инкрустирована камнями и выглядела впечатляюще, но дым вонял обычным дешевым табаком. – Я наконец вас дождался. Уже начал сомневаться, не врут ли о вашем существовании.

Это прозвучало до того дерзко, что Цу-Дхо почти растерялся.

– Вы, должно быть, привели мне провидца для самого императора, – произнес он, скептически глянув на мальчика и не выказав при этом ни капли интереса.

Торг – дело тонкое, и надо не дать противнику выпустить клыки, иначе он задерет тебя, как несчастную козулю. После ремонта денег на содержание храма почти не осталось, а императорские пожертвования еще не поступили. Цу-Дхо не мог просить займы у провидцев, это было столь же дурным тоном, как залезть в чужую тарелку. Но если он не купит мальчика, чиар отведет его в другой храм, а то и в Шанву. Этот мужчина провел в пути не один узел² и наверняка надеялся на большую выручку. Цу-Дхо мысленно подсчитал содержимое кошелька, и оно было неутешительно.

– Не иначе, – согласился чиар. – А вы не принимаете его третий день. Посмотрите на это лицо! Внимательно посмотрите. Я хочу за него сотню чандалов³.

– Серебром?

– Золотом, ясное дело!

Цу-Дхо внутренне содрогнулся от такой наглости и хотел сразу же отказать чиару, но все же снял с мальчика шляпу и двумя пальцами приподнял его подбородок. Ребенок был красив и бледен, словно белая колибри.

– Какие странные у него глаза, – пробормотал настоятель, забыв придать лицу равнодушное выражение. – Фиолетовой аметистов. Разве у людей бывают подобные глаза?

– Это цвет Черного Дракона! Вам ли не знать! Мальчик – истинное сокровище. Даже если рядом поставить бриллиант ростом с него, он не превзойдет ценность ребенка.

– Неужели? – опомнился настоятель. – Каждый третий приводит мне провидцев с такими словами, а потом оказывается, что они пустышки. Как его зовут и сколько ему лет? Выглядит слишком маленьким для храма. Детей до семи тяжело держать в узде.

– С этим проблем не будет, – пообещал чиар с довольной ухмылкой. – Ему пять. Его зовут Кайюши. Он начал говорить, когда ему было полгода. К двум научился читать и освоил базовое письмо. Это задокументировано, не сомневайтесь. В три года он сделал первое пророчество

² Узел – то же, что и тридень. Два обычных дня и чернотень.

³ Чандал – национальная монета Чаина. Чеканится в двух видах – из серебра или золота. Один золотой чандал равен двадцати серебряным.

и с тех пор ни разу – я повторяю: ни разу! – не ошибся. Я выкупил его за пятьдесят золотых чандалов, а от вас требую вдвое больше. Это покроет и мои расходы, и вашу выгоду.

Обычно дети, которых приводили в храм, имели смутные намеки на талант провидцев, и только время показывало, стоят ли они потраченного времени. Цу-Дхо просмотрел документ, испещренный печатями нескольких комиссий, и нашел его подлинным. Этого ребенка нельзя было упустить, но сотня золотых чандалов – немыслимая, неподъемная сумма. На такие деньги можно год кормить и обслуживать весь храм, а вместе с предсказателями, учениками, работниками и слугами там насчитывалось больше четырехсот человек.

– Кайоши, – поморщился настоятель. – «Тихий», значит... И всего пять лет, а вы заломили такую цену.

– Этот ребенок рассудителен не по годам и скоро окажется в обществе самых высокопоставленных особ Чаина. И тогда его имя никому не покажется невзрачным.

– И чем он меня удивит? Что у вас сбылось, Кайоши? Угадали свой рис на обед?

– В одном из моих предсказаний вы умираете завтра, – заявил мальчик со скучающим видом. – Император вызвал вас во дворец, но вы не доехали, потому что случился большой оползень на дороге. Вас и ваших людей завалило. – Кайоши забрал шляпу из рук Цу-Дхо и продолжил: – Но так было раньше. Узел назад первый провидец Арияма предупредил вас, поэтому перед ремонтом вы отправили императору письмо. Кстати, он скоро сложит полномочия. Новым императором объявят его старшего сына Ли-Холя.

Настоятель остался холоден и безучастен.

– Благодарю вас, юноша. Однако я знаю слишком много путей, по которым информация может утекать и за пределы храма, и за пределы дворца.

– Полагаете, я все подстроил? – хмыкнул чиар, стиснув плечи мальчика. – Это сын двух Драконов! Он провидец и прималь! Его сила работает в обе стороны, и одно подкрепляет другое. Такого я еще не встречал, а я уже два десятка лет выискиваю и перепродаю провидцев по всей стране. Я многих повидал, уж поверьте. Если не хотите платить, я его забираю. Похоже, этот храм впустую называют главным.

– Вы все равно возьмете меня, – сказал Кайоши, вырываясь и пробегая за ворота. – В другое место я не пойду, так что не тратьте время на торг, просто отдайте ему десять чандалов. Эта цена будет последней. Я замерз и очень проголодался.

Чиара перекосило, а настоятель громко захохотал.

– Что ж, если он и правда такое сокровище, я не могу ему не верить, возьмите же свою плату. – Он развязал нагрудный кошелек и вложил в ладонь трясущегося от злости чиара стопку золотых кругляшей. – Остальное получите через половину трида, после того, как мы проэкзамуем мальчика и убедимся, что его печати в рекомендательном письме подлинные, а не покупные.

– Этот ребенок лжет! – выпалил перекупщик. – Я заплатил за него пятьдесят монет и вез его к вам через всю страну с восточного побережья, а вы предлагаете мне жалких десять чандалов?!

– Лжет, говорите? Раз так, он не стоит и того, что я дал за него, – твердо сказал настоятель. – И он уже переступил ворота, назад пути не будет.

– Если попытаетесь меня забрать, я всем скажу, что вы обманщик, – равнодушно сообщил Кайоши, и в его тоненьком голосе сквозило не детское упрямство, а холодный расчет человека, давно продумавшего план.

Право, семья этого малыша обладала хорошими связями и была хитра до неприличия, раз научила сына такому ходу, но Цу-Дхо все-таки не хотел рисковать, упуская ребенка. Глаза Кайоши и взрослая манера поведения, пусть даже внушенная родителями, впечатлили главу храма.

Уже минуту спустя он шествовал по центральной дороге, держа мальчика за руку, испещренную странными символами. В сопроводительной бумаге говорилось, что это тайнопись, появившаяся на ребенке еще в материнском чреве. Якобы в ней заключено великое предсказание Черного Дракона, и Кайоши непременно разгадает его, как только достигнет расцвета способностей. Прочитав это, Цу-Дхо мысленно закатил глаза и попросил у Богов прощения для глупых, жадных родителей, которые дошли до того, что мучили пятилетнего сына татуировками. Не они первые, не они последние старались придать происхождению своего чада сакральный смысл. Каких только уловок не встретил настоятель на своем веку, но эта, пожалуй, была одной из худших. Знаки покрывали руки мальчика от ладоней до предплечий, словно перчатки, и одним Драконам ведомо, сколько слез они стоили бедному ребенку.

Дождь закончился, и мраморные плиты мокро блестели в лучах выглянувшего из-за туч солнца. Кайоши сощурился, глядя на него, и с грустью сказал:

– Скоро я буду видеть только звезды.

– Неужели торг и вправду дошел бы до такой цифры? – спросил Цу-Дхо, не в силах отделаться от мысли, которая не давала ему покоя.

– Нет, я просто сэкономил вам девяносто чандалов, – ответил Кайоши. – Я хочу на них сладостей.

– Ну и ну, – покачал головой настоятель. – Такие корыстные мысли в пять лет.

– Вы это говорите потому, что вы бедный, – бесцеремонно заявил мальчик. – Я знал, что у вас нет денег на меня, но я не хочу в другое место. Я уже предсказал свое будущее здесь. Если хотите, я расскажу вам, кем стану.

Видно было, что он приучен к подобострастию окружающих и ждет похвалы, но Цу-Дхо умел пресекать себялюбие новичков, привитое в семьях, где с даровитыми детьми носились как с сокровищем.

*– Ветер мне принесет
Вишни цветок или смертные стоны?
Знает только судьба...*

– сочинил на ходу настоятель, игнорируя юного провидца.

Кайоши надулся, но, к удивлению Цу-Дхо, не выдернул руку из его ладони, в отличие от большинства капризных учеников, которым впервые в чем-то отказали.

– Хотя бы леденец дайте, – буркнул мальчик спустя десяток шагов.

– Вы и это узнали из видения? – приподнял бровь настоятель.

– Нет, он торчит из вашего кармана.

Цу-Дхо рассмеялся и вынул карамель на деревянной палочке в шуршащей серебристой обертке. Кайоши тут же деловито развернул ее, сунул в рот, и они пошли дальше, мимо учительских построений, где выпавшиеся ученики повторяли за наставниками правила записи видений.

* * *

Великий Бог Света и брат его – Великий Бог Тьмы. Я, Кайоши из храма Близнецов настоятеля Цу-Дхо, благодарю вас за истинные сны, что подобно рисинкам проходят сквозь небесное сито и прорастают в моем разуме, помогая императору Ли-Холю и всему его роду избежать бед и страданий, а Чаину процветать и благоденствовать во веки веков.

Я, Кайоши из храма Близнецов, собираюсь нарушить правило записи видений и прошу прощения и снисхождения к недостойному рабу, не сумевшему извлечь зерна из части семян, что вы посылаете мне.

Раньше я без ошибок разбирал каждый из ваших снов, зная, от кого он пришел, но теперь путаница в моей голове достигла предела, за который я не смогу выйти, оставшись целым телесно и здоровым духовно. Вы знаете мою болезнь порядка и то, как тяжело я переношу хаос. Вы – великаны Будущего и Прошлого, а я лишь крохотный мостик настоящего между вами. Так простите же мне нарушение записи видений и не отрекайтесь от меня.

Настоятель Цу-Дхо много лет назад очистил мой канал⁴, и с тех пор лишние картины не приходили ко мне – как главный предсказатель я видел только то, что связано с императором Ли-Холем и его семьей. Я расшифровывал крупные события, влияющие на Чашн, и наблюдал за важными послами, которым суждено было попасть во дворец.

Десятилетие я выполнял эту работу безукоризненно, пока не явились чужие сны, говорящие на других языках, показывающие страны, не связанные с Чашном и заставляющие думать о людях, далеких от дворца императора подобно камням в глубине Красного озера, что никогда не коснутся ослепительных пиков Шааньских гор.

Я, Кайоши из храма Близнецов, проходил очищение трижды тайком от настоятеля, думая, что осквернен и потерял чистоту канала, но вы продолжаете посылать видения, а я не могу упорядочить их и не смею рассказать о них Цу-Дхо до тех пор, пока не дойду до сути и не пойму, как они связаны с Чашном.

Вы не даете последовательности событий и ничего не говорите о времени, смешивая в клочках снов прошлое и будущее. Тела небесных Драконов переплелись вокруг маленького мостика настоящего, и он вот-вот рухнет под их нажимом.

Я, Кайоши из храма Близнецов, собираюсь нарушить правило записи видений и прошу прощения и снисхождения к недостойному рабу, не сумевшему извлечь зерна из части семян, что вы посылаете мне.

С этим я заканчиваю приветствие вам и перехожу к тайным записям, веря, что они помогут мне дойти до нужных смыслов. Я клянусь соблюдать традиционный стиль храма Близнецов и подбирать слова с неторопливостью составителя букетов, знающего толк в красоте.

⁴ Очищение канала – гипнотическая техника внушения или самовнушения, при которой провидец настраивается на определенный тип видений. В случае Кайоши чистый канал подразумевает сны об императоре и людях, связанных с его судьбой.

Глава 1 Дракон и буря

*Запись от суток Черного Дракона.
Пятый узел. Трид тонкого льда. 1019 год эпохи Близнецов.*

*В поту и мурашках проснулся – ужасное чувство.
Я был мотыльком, что о пламя видений обжегся.
Средь серой пустыни стоял, непохожей на Чаин.
И горы вдали виды Чаина не повторяли.
Творилась, кипела, лилась сумасшедшая буря.
Драконы из праха и ветра затеяли схватку.
Но я, присмотревшись, единый закон обнаружил
В их танце движений, кому-то в тот миг подчиненном.*

* * *

Главный храм Близнецов Чаина ютился высоко в горах Сай, на просторном плато, с трех сторон окруженном каскадами густых сосновых лесов. Осенью их темный нефрит освежали пятна кленов, а весной края скал осыпались лепестками яблоневых аллей. С востока к храму подступало озеро, до того огромное, что его часто путали с морем. Летом вдоль берегов расцветала красная водоросль – единственное живое существо, для которого соленость здешней воды не оказалась губительной. Говорили, что когда-то озеро было пресным и полным рыбы, но однажды Чаин и Шанва устроили из-за него жестокую битву, и кровь, стекшая с берегов, навсегда пропитала растения. Белый Бог разгневался на людей и позволил брату сжечь обе армии, а чтобы Чаин и Шанва никогда впредь не боролись за озеро, сделал его таким соленым, что вся рыба за ночь всплыла мертвой и больше не зародилась.

– Ветер несет перемены, вам так не кажется? – спросил провидец Доо у провидца Ясурамы.

Ранним утром, в разгар трида алых кленов, они гуляли по горной дороге, с которой открывались чудесные осенние пасторали. Провидец Доо в розовом платье до пят, перехваченном под грудью белой лентой, был похож на переросшего младенца. Пухлощекий, с большими наивными глазами и вечным румянцем, он мог обмануть своим видом любого, кто не знал его мерзкого характера. Ясурама – тощий и колкий, как рыба кость, облачился в лазурный наряд, подчеркивавший красоту опадающих листьев. Оба провидца обслуживали мелких чиновников, стриглись под горшок, часто ошибались в предсказаниях и добрых два десятка лет не могли подняться выше по рангу. Оба обожали сплетни и дополняли друг друга как половинки фасолины.

– Ветер по осени всегда несет перемены, – ответил Ясурама, втягивая воздух тонкими ноздрями.

Он был глуповат и плохо понимал намеки.

– Я говорю об особенном ветре, – прищурился Доо, сорвав с клена огненный лист и глядя сквозь него на восходящее солнце. – Я говорю о ветре из главной комнаты видений. Вам не кажется, что он пахнет тревогой?

Ясурама хищно воззрился на собеседника:

– Какая бабочка принесла вам аромат оттуда?

– Целый рой бабочек. – Доо неопределенно повел рукой. – Их крылышки шепчут, что у нашего прелестного Цветка портится нектар.

– Но я не слышал ни об одной его ошибке, – заметил Ясурама, пряча ладони в широкие рукава.

– Никто не слышал, но воздух тревожен, так и знайте.

Поднялся ветер и, взметнув полы цветных одеяний, понесся вниз, к озеру, где в лодке посреди покоя медитировал старый настоятель Цу-Дхо. Ветер шепнул ему в ухо сплетни провидцев, но не дождался ответа и поспешил к храму. Там, в одном из окон, для него оставили щель. Пробравшись внутрь, сквозняк поворошил темные волосы Кайоши, отросшие за лето до плеч и рассыпанные по подушке черным веером. Сдвинул пару прядей в совершенной челке, подстриженной так аккуратно, что приставленное лезвие ножа подтвердило бы мастерство парикмахера единством линии.

Лицо Кайоши выражало тревогу. Пальцы, покрытые вязью татуировок и сцепленные на груди, подрагивали. Юноша лежал неподвижно, завернутый в коричневые одежды и похожий на початок рогоза, из пуха которого сделали подушку под его головой. Неожиданно он вскочил с сильным криком, точно подброшенный пружиной. Волосы качнулись, закрывая лицо, Кайоши убрал их и утер со лба липкие капли.

– Первый день Белого Дракона... Седьмой... Нет. Восьмой узел. Двадцать третий день последнего трида.

Тут он услышал постороннего и торопливо улегся на матрац, прищулив глаза до такой степени, что нельзя было понять, спит он или нет, а смотреть все еще получалось. За стенкой появился силуэт грузного слуги, подсвеченный лампой. Спустя мгновение Маэда поднял дверь, облаченную в раму из дерева, ступая на цыпочках по мягким судмирским коврам, подошел к окну и осторожно задвинул створку. Потом так же тихо удалился.

«Светает», – подумал Кайоши.

Его не показывали солнцу вот уже десять лет, с тех пор как юный провидец переступил порог храма. Он не покидал его в светлое время суток и выезжал за ворота лишь два раза в год, когда император устраивал во дворце большие празднества, куда созывались все знатные особы Чаина.

Крайне редко в стране рождались сыновья обоих Драконов – дети, у которых видения будущего перемежались со снами о прошлом. Большинство из них навсегда вошли в историю, став известными на весь мир предсказателями. И только одна неприятность прежде вставала на пути Божьих избранников: иногда они ошибались из-за того, что не могли определить, к какому времени относится очередной сон. То ли это грядущее, а то ли уже случившееся. Но в конце концов служители храмов решили проблему с помощью гипноза, широко распространенного в кругах предсказателей. Они внушали ученикам видеть только будущее, а чтобы Змей – хранитель памяти – не сердился, сыновьям обоих Драконов запрещалось выходить на солнце, к Белому Богу.

В свои пятнадцать Кайоши слыл одним из сильнейших мастеров-предсказателей Чаина. Он никогда не ошибался и не путался, ничего не упускал из виду. Император Ли-Холь благодаря ему был как за каменной стеной, и с каждым годом талант Кайоши распушался все пышнее. Его даже прозвали Цветком, подразумевая очень редкую фиолетовую розу. Юноше льстило такое сравнение. Он уже грезил, как увидит свое имя вписанным в книгу «Достояние эпохи», но тут случилось кое-что вышедшее за рамки.

Вопреки каждодневному внушению, Змей вернул Кайоши сны о былом, а после отнял чистоту канала. Прежде ни один посторонний образ не мог пробиться в сознание сына Драконов, а теперь там появился совершенно чужой, незнакомый человек. Его звали Такалам, и он никак не влиял на жизнь Ли-Холя.

Единственная ниточка связи между ними состояла в том, что чаинские травники придумали яд, которым Такалама собирались убить. Кайоши мог предотвратить это, уничтожив создателей и распространителей отравы. Достаточно было щелкнуть пальцами, чтобы император велел солдатам вырезать их всех до одного и посадить в тюрьму перекупщика. Но Такалам ничего не значил для Чаина, хотя бывал в нем прежде. Он некогда собирался служить императору, но выбрал другого господина. Так почему Кайоши должна заботить его судьба?

Он не собирался потакать посторонним снам и никому не говорил о странностях: только намекни, и десяток претендентов на золоченое место тут же затопчут тебя, задавят под лавиной сплетен и пересуд. Нет. Главный провидец императора должен быть безупречен, и даже старику Цу-Дхо нельзя ничего рассказывать.

Поэтому Кайоши изо всех сил старался игнорировать проблему и вскоре благодаря усердию научился не путаться во времени. Все было хорошо. Он справлялся, хотя спать приходилось больше: Такалам перекрывал часть видений о Ли-Холе, и Кайоши регулярно наверстывал упущенные часы. Он продержался бы в таком темпе еще долго и уповал на смерть старика, надеясь, что, если его отравят, все прекратится. Кайоши верил в это всем сердцем. Но как бы не так.

После гибели Такалама начало твориться безумие. Отныне юноше снились десятки незнакомых людей, будто на месте сгоревшего дерева щетиной поднялась молодая поросль,

должная заменить обугленный ствол. Самовнушение перестало помогать, и вот тогда Кайоши начал вести тайнопись, чтобы разобраться в происходящем.

Сегодня ему опять снился сон о пустыне и песчаной буре, в которой погибает человек. И стало ясно как день: Кайоши сойдет с ума, если допустит это. Такалему нельзя было умирать. Отныне то, что он собирался сделать, легло на плечи других людей. Потеряй Кайоши хоть одного из них, и к хаосу добавится еще десяток линий.

Только одно решение могло спасти сына Драконов. Кайоши изучал его весь последний трид, читая и перечитывая дневники величайшего предсказателя прошлого века – Шаатанады, – написавшего трактат «Внетелесные перемещения». Он считался основателем практик духовных путешествий и пожертвовал собственным телом, пытаясь определить, как далеко может добраться сознание человека. В конце концов его парализовало, и некоторое время он провел в коме, а потом просто перестал дышать. Такая судьба Кайоши не прельщала, но из всех невозможных путей этот был единственным разумным: его показали Драконы.

– Восьмой узел. Двадцать третий день последнего трида, – повторил юный провидец. – Я должен уснуть в это время...

* * *

*Архипелаг Большая Коса, о-в Валаар,
13-й трид 1019 г. от р. ч. с.*

Непроглядно-темный мир, пахший старой тканью, качался неровным маятником. С потряхиванием, посапыванием и вздохами. Временами он останавливался и выдувал мучительное: «у-у-у-уф», потом подбрасывал Астре и раскачивал снова: влево-вправо, влево-вправо. Иногда позади кто-то появлялся. Туманный и навязчивый, он приходил и уходил, как уличная собака, которой однажды бросили с порога дома кость, возвращается к месту, где ее прикормили. Это началось с бури, когда прималь врезался сознанием в нечто разумное. Оно напомнило о человечности Астре и помогло вернуться в тело.

В череде мимолетных чувств появились первые мысли. Калека ухватился за них, и расшатанный мир стал знакомой спиной, а тканевый плен – кулем. Элиас без конца шмыгал носом, сопел и плевался. Калека выглянул наружу и увидел мокрую степь, согбенную под тяжестью липкого снега. Южный ветер надул немного тепла и, обернувшись густым туманом, на время вернул осени прежние жухлые краски.

Чувств в конечностях пока не было, но Астре не испугался, давая себе привыкнуть к телу. «Чудом выжил, – подумал он. – Кто мне опять помог?»

Следующий миг обрушился на калеку лавиной мыслей. Сколько времени прошло? Почему Элиас его несет? Что с детьми? Как далеко Сиина?

– Сколько я так пробыл? – спросил Астре, пытаясь двигать замерзшими пальцами.

– Ох! – вздрогнул от неожиданности Элиас.

– Где остальные примали?

– Парень! Я уж думал, труп несущий! – облегченно рассмеялся горе-колдун, ссаживая Астре в гущу влажной травы и высвобождая из куля.

Репьи тут же облюбовали размахившийся край куртки и налипли на него хороводом ржавых комочков. Астре сел, как его посадили, и упал назад, не сумев удержаться. Руки все еще не слушались. Это начинало пугать.

– Эй! – всполошился Элиас. – Ты чего как кукольный?

– Все в порядке, – нарочито спокойно сказал Астре, а у самого сердце превратилось в бешеный комок.

– Уф. – Парень распрямился, пытаюсь свести лопатки, потом начал вращать уставшими плечами. – Поясница отваливается и верх спины. Ты бы мне потер вот тут, а? Болит, спасу нет.

– Я... пока не могу. Мне надо прийти в себя.

Правая рука еще что-то чувствовала. Астре посылал ей сигналы и получил в ответ покалывание. Пальцы дрогнули и медленно, как лапы замерзшей рептилии, начали оживать. Левая конечность не реагировала совсем. Калека не хотел в это верить, но он ее потерял. Слабый ток крови не позволил руке посинеть и отмереть окончательно. Но она повисла бесполезным отростком. Это было платой за бурю в пустыне.

Калеку пронзило изнутри. Он осознал, что теперь не сможет передвигаться самостоятельно и если Элиас бросит его... Астре не удастся убедить парня с помощью Цели. Это несправедливо, и совесть такого не позволит. Надо успокоиться. Успокоиться.

– Пора бы сообразить нам какую-нибудь хибарку на чернодень, а то скоро уже, – сказал Элиас, закончив разминаться. – Я все хоть деревце искал, да такой туман с утра накрыл – на два шага не видно. Наверное, прямо тут и придется. Или давай еще пройдем, кажется, там вон чернеет что-то. Погоди, я сбегая, посмотрю.

Астре чуть не закричал: «Стой! Не уходи!», но вовремя закусил губу. Его напугало, что Элиас не вернется.

«Вдруг он уже все понял и решил меня оставить?» – пронеслось в голове.

– Понял?... Чего я боюсь? Чего он не должен понять?

Пустыня закончилась, вскоре наверняка начнут встречаться реки и деревни. Еще и снег выпал. Элиасу уже не так остро нужна вода, тогда почему он идет с калекой на закорках? Примали отказались его брать?

Астре лежал, и сырость пропитывала одежду. Пальцы правой руки медленно сгребли остатки снега, ржавую ромашку и удивительно зеленую, будто ненастоящую полынную поросль, сквозившую в прорехах мертвого полога. Кругом сплошная белизна, как внутри кокона. Еще хуже, чем в Хассишан.

Волглая трава скрадывала поступь Элиаса, и скоро в ушах зазвенело безмолвие. Астре зажмурился, посылая очередной импульс в левую руку, тщетный, сродни попытке докричаться до глухого, потом распахнул глаза и замер, глядя в блеклую пустоту. Элиас не возвращался, и в эти минуты наедине с собой и туманом Астре казалось, что все живое вокруг съежилось до стука сердца. Калека вспомнил свое отчаяние в тленных землях. Тогда оно было крайней точкой всех бед, но пропасть имела второе дно. Астре снова пробило мурашками, и вместо страха он почувствовал злость.

– Ну, спасибо тебе, Цель, – процедил калека сквозь зубы, ударя кулаком по лопуху и дрожа от макушки до культей. – Оставила меня в преддверии зимы всего с одной рукой! Это, по-твоему, было справедливо?! Правильно?! Да чтоб ты сдохла там внутри! Чтоб ты сдохла... Чтоб ты сдохла, честное слово... Как я тебя ненавижу...

– Чего ты там орешь? – крикнул появившийся из тумана Элиас. – Хотя правильно делаешь, что орешь, а то я уже не в ту сторону ушел.

Он накинул спадавший капюшон и подбежал к Астре.

– Так и будешь валяться? Я, конечно, понимаю – денек для загара отличный, особенно когда черное солнце взойдет...

Калека всем видом дал понять, что шутку не оценил.

– Залезай, рожа ты маринованная, – хмыкнул Элиас. – Я нашел там заросли, даже шиповник есть. Чайку попьем!

– Долго же мы на чайке протянем, – прокряхтел Астре, цепляясь за спину парня.

– А ты не бойся, у нас и пастила к нему имеется! – гордо заявил Элиас.

– Какая еще пастила? Объясни все по порядку!

– Дерганый ты стал, – обиделся Элиас. – Разговариваешь, как гвоздями плюешься. Винтики во рту не смазали, что ли? Добрей лучше, а то ты и так страшный тип. Я чуть в штаны не наделал тогда. В пустыне. Да я тебе по секрету скажу, что там все обделались, вот ей-ей. Ты бы видел рожи этих прималей!

Астре больно сжал плечо собеседника.

– Ладно! Ладно! Что конкретно тебе знать надо?

– Сколько я без сознания пробыл?

– Дня два.

– Куда идем?

– В смысле куда? Куда ты и хотел. Деревня, горы, лес дубовый, хряки на желудях, все дела. Скоро уже, наверное, и дойдем... докуда-нибудь. Чуешь толк от меня, а? Два дня на моем горбу, как в люльке! Я теперь ей-ей тренированный.

– Почему ты с другими прималями не пошел?

– Ш-шутить?! – воскликнул Элиас, споткнувшись о вьюнок и подпрыгнув. – После того, что ты учудил? Да эти колдунишки тебе в подметки не годятся! У них глаза, глядя на тебя, чуть не выпали. Ты же ущелье завалил! Жертвенное ущелье! Да чтоб меня затмением жажнуло, если я упусти такого учителя! Не зря мне перекрестный знак тебя послал!

– Что с детьми?

– А что с детьми? Как ты сказал, так и сделали. Себе разобрали каждый по одному. Воспитывать будут, наверное. – Элиас хмыкнул. – Здорово же ты их впечатлил, парень. Дедуля наш Валаарий последние волосы себе в носу подергает от таких новостей. Хорошо, что в глушь идем. А то как бы охоту на тебя не устроили. Я уж не знаю, сколько теперь голова твоя стоит. Жертвенное ущелье завалил! Это ж... со всех винтиков сойти.

Он шумно выдохнул и побрел дальше, к проступавшим из белой хмари кустам, а через минуту снова заговорил:

– У тебя так живот бурчит, что аж спине щекотно. Голодный, да?

– А ты сытый?

– Скоро червячка заморим! – бодро сообщил Элиас. – Примали нам всей толпой снеди насобирали. Сумка до сих пор тяжелая. И вещей полезных дали, так что костер сообразим, пока не стемнело, и поужинаем. Куль – вообще штука прекрасная, и тебе тепло, и мне удобно.

Астре заставил себя успокоиться. Все шло хорошо. Они приближались к дому Зехмы, а Сиина уже должна была к нему подойти. Дети в порядке. Элиас не бросил его, и у них даже провизия.

Вот бы не думать о семье, мертвой руке и о том, что сестра могла погибнуть, а найти ее с помощью духа уже не получится. Вот бы забыть все, кроме этой минуты...

Калеку не покидало чувство преследования. Кто-то время от времени появлялся за спиной, бестелесный и невидимый, но почти осязаемый. И вот он снова пришел, но тут же исчез. Астре успел покрыться мурашками.

«Никаких призраков нет, – сказал он себе. – Я же знаю, что нет никаких призраков. Зачем я думаю о такой ерунде? Мертвец из пустыни хочет заполнить пеплом мою руку? Это глупость, Астре, ты просто напуган и устал. Никого здесь нет. Только ты и Элиас. Успокойся. Не думай ни о чем».

Они развели костер, чудом отыскав немного сухой травы, поужинали пластинками вяленого мяса и сытными шариками из смеси тертых орехов и ягод. Астре не помнил вкус пищи и не разобрал ни единого слова из непрерывного потока болтовни Элиаса. Дух прималей не мог ошибиться. Калека знал, что ему не стоит засыпать, – этого ждет призрак. Он появляется проверить, бодрствует ли Астре, и если да – тут же уходит.

Когда они с Элиасом обсохли, потушили пламя и забрались в шалаш, закатив туда раскаленные костром камни, калека попытался завести разговор, но горе-прималь так умаялся, что рухнул без сил и тут же засопел.

Астре нечем было отвлечься в ловушке затмения. Поначалу он крепился, но вскоре тоже задремал и несколько раз одергивал себя, а потом решил – будь что будет. И провалился в сон, где вместо сновидений увидел плотный сгусток энергии.

Он опомнился не сразу. Почувствовал, как его трясут, и услышал испуганный голос Элиаса.

– Т-ты чего орешь так?! Перепугал до смерти!

– Я кричал? – спросил Астре, судорожно лоя ртом воздух.

Он хотел утереть пот и вздрогнул, когда левая рука не поддалась.

– Ты орал как резанный, парень! Что тебе такое приснилось? Ты так подскочил, что чуть шалаш не разворотил. – Элиас нащупал его в темноте. – Ты это... Ты успокойся, ладно? Что ж тебя колотит как припадочного?

– Прости, – сказал Астре, укладываясь обратно на подстилку. – Долго я спал?

– Не знаю, я же сам дрых без задних ног. Что тебе приснилось?

– Не помню. – Астре сглотнул полынную горечь во рту и нащупал еще теплые камни. Судя по ним, не прошло и четверти часа. Призрак точно его караулил. – Ничего не помню...

– Ты меня так не пугай, а то ей-ей без сердца оставишь, – сказал Элиас, похлопав его по плечу.

Астре сжал губы. Он не почувствовал успокоительного жеста Элиаса. Рука была мертва, и после мутного кошмара стало особенно тяжело думать об этом.

Призрак ушел, но в колкой сырой темноте убежища все равно было холодно и неудобно. Астре взялся разминать кисть, хотя и знал – это бесполезно. Если Элиас бросит его... Если Сиина не доберется до Зехмы... Если Марх и остальные попали в беду...

– Ты там плачешь, что ли?

Астре отвернулся и закусил большой палец.

– Спи.

– Ну, чего ты совсем раскис? Как я спать буду, когда тут такие настроения? Хочешь, я тебе спую веселую колыбельную?

– Да мне потом кошмары еще хуже приснятся, – через силу сказал Астре. – От твоего-то голоса.

– Ну и ладно, – обиделся Элиас. – Тут же главное не красота. Голос – он сам по себе успокаивающая штука. Особенно с тех пор, как я в пустыне один умирал. Я там все время с собой разговаривал, чтобы совсем с колесиков не скатиться. Ты, наверное, тоже не особо радовался, пока по тленным землям ползал.

Астре зарыдал. Внутри накопилось столько всего, что калека не смог сдержаться. Слова Элиаса сдвинули последнюю защелку и выпустили наружу настоящего Астре – ранимого, испуганного, беспомощного и слишком маленького для такого огромного мира.

– Ну, прости! Прости дурака! – всполошился горе-прималь. – Тяжко вспоминать, но теперь-то все хорошо уже! Ты чего, а?

Он неловко похлопал порченого по спине, и тот завыл еще громче. Он никогда никому не жаловался и не плакал перед другими. Только Элиас увидел всамделишного Астре – слишком сильного и слишком слабого, злого на весь мир и убитого печалью, задетого нелепыми загадками и ревающего взхлеб. Калека впервые понял, как это приятно, когда можно проявлять то, что чувствуешь, и не прятаться. Против Элиаса у него не было скорлупы, и Астре кольнула совесть за гадкую мысль: «Не хочу больше притворяться. Не хочу быть главным в семье. Не хочу занимать место Иремила».

И тут раздалась песня:

*А я ночью не усну,
Как сова ушастая.
Отыщу себе сосну
И в дупле пошастаю.
Я внутри найду свирель,
Как у деда Бахая.
И залиvistую трель
Я тебе забахаю.*

Астре сглотнул слезы и рассмеялся.

– Это худшая песня за всю мою жизнь!

– Не ценишь ты людские таланты, – обиделся Элиас. – Это я еще в детстве сочинил. Знаешь, как всем нравилось? А дед Бахай у нас в деревне правда был, и свирель у него имелась.

– А что это?

– Да обычная деревяшка с дырками. Название шибко умное, а так дудка и есть дудка. Но он такой был важный тип, как будто его сам Валаарий к себе придворным музыкантом звал. Купил эту свирель у какого-то прохиндея и всем хвалился, что у него-де инструмент соахский, а сам так играл, что куры кругом дохли. Погоди, это еще не конец, там дальше веселее будет.

– Нет, спасибо, мне уже лучше. – Астре немного помолчал, чувствуя, как на сердце опять тяжелеет. – Надеюсь, у меня получится тебя чему-нибудь научить...

Вот бы целиком сорвать притворство, как полосы сгнивших бинтов, и обнажить все язвы, но нельзя. Если Элиас разочаруется, то не поможет добраться до Сиины. Как же мерзко во всем искать выгоду. Как мерзко...

– Слушай. Скажи честно, – начал Элиас изменившимся голосом, и у Астре похолодело в груди. – Ты же не тот, за кого я тебя принимаю, да? Ты не великий прималь или кто-то вроде того? Ты как будто что-то прячешь. Как будто сам себе язык прикусываешь. Я, конечно, парень простой, но людей хорошо чувствую. Ничего не выйдет, да? Я не стану таким, как ты? У меня таланта не хватает? Только скажи честно. Как есть скажи.

И Астре не смог соврать. Совесь слишком истерзала его. Надо было пробормотать, что все получится, но Цель твердила свое.

– Ты прав. Ничего не выйдет, – силло выдохнул Астре.

В этих словах обитали пустота Хассишан, страх одиночества, мертвая Сиина.

– Вот, значит, как, – с расстановкой сказал Элиас. – Выходит, ты соврал. Дал мне надежду, чтобы я не ушел с примальями и тащил тебя на горбу. Эта штука тебя убивает, да? Что с твоей рукой? Не шевелится? Я тебя пару раз хватал, ты даже не дернулся. Поэтому ревешь?

Астре вспотел и закрыл глаза: «Так вот чего он не должен был узнать. Вот почему мне было так страшно, когда он ушел в туман. Я почувствовал его дух. Я коснулся его, когда был бурей. Он слишком мал, чтобы проявиться снаружи».

– Все с тобой ясно, – глухо произнес Элиас. – Значит, никакой ты не учитель. Ты просто повисший на мне умирающий безногий калека. Вот уж подарочек твоей сестре! Уверен, что ей так уж радостно будет тебя повстречать? Она хоть существует? Вот же я дурак, а! Наслушался с три короба обещаний! Лучше бы с нормальными мужиками пошел! Теперь двое суток обратно к ущелью переться!

Астре понял, что после чернодня Элиас уйдет без него.

Глава 2 Проклятая цель

*Запись от первых суток Белого Дракона.
Третий узел. Трид тонкого льда. 1019 год эпохи Близнецов.*

*Она пахнет тыквой, и липки ладони от меда.
В ней скрыто чутье, но оно ее горько обманет.
Собачий скулеж. На снегу пятна алые крови.
И в доме пустом замерзает остывшая каша.*

* * *

Бамбуковая палка просвистела в воздухе и ударила по спине Кайоши в семнадцатый раз. Он дернулся, но не вскрикнул, только закусил губу.
Восемнадцать...
За что Драконы так с ним обошлись?

Двадцать...

Проклятье! Снова по тому же месту. Юноша коротко охнул и сильнее стиснул зубы. Он хорошо представлял красные борозды, которые завтра станут синяками. Такими же фиолетовыми, как его одежда. Кайоши не раз видел наказания низших провидцев, но на собственной шкуре испытал впервые.

Двадцать три...

Из носа потекла кровь.

Кайоши били, как поганую собаку. Ему никогда в жизни не было так унижительно, мерзко и больно. Вот она – плата за ошибку великого предсказателя.

Чем идеальней выполняешь работу, тем тяжелее прощают неудачи. Ли-Холь так привык полагаться на Кайоши, что едва не велел убить его, когда провидец упустил смерть старой матери императора. В тот день предсказатель не стал смотреть видения. Он отправился на помощь человеку в пустыне, дабы не сойти с ума, и вот к чему это привело. О гневе Ли-Холя Драконы умолчали.

Палка ударила в двадцать пятый раз, Кайоши содрогнулся и обмяк. Сознание уплывало, он не расслышал голоса Цу-Дхо и того, как подбежали младшие ученики.

В темной пустоте возникло мутное видение будущего: глаза человека из пустыни – серосиние, как пасмурное небо. Неподвижные и стеклянные. Мертвые глаза.

Образ тут же перекрыла другая картина – девушка посреди леса возле большого дуба. Пурга разбушевалась, и ее почти не видно за рваными полотнами вихрей. Кайоши разглядел часть покрытого шрамами лица. На щеках не таял снег, ресницы заледенели. Девушка давно окоченела.

Провидец очнулся, дернувшись, и не сдержал стога. Он обнаружил, что лежит на животе в своей комнате. Окно наполовину сдвинули, между кронами яблонь мерцали звезды, и в покоех было прохладно из-за сквозняка.

Кайоши судорожно вздохнул. Спина горела, от боли гудели виски. Он уткнулся лицом в подушку, переживая кошмар во сне, слившийся с кошмаром наяву. Шум, конечно, слышали, и дверь поползла вверх.

Юноша готов был взвыть от раздражения. Ему требовалось время, чтобы уgomонить мысли и попытаться расставить их по местам.

– Настоятель Цу-Дхо велел записать ваши видения, – послышался робкий голос младшего ученика.

– Не было никаких видений, – прохрипел Кайоши, с трудом повернув голову. – Выйди и передай Цу-Дхо, чтобы оставил меня в покое хотя бы на час.

– Тогда вам придут сменить повязки.

– Не надо! Выйди и скажи, чтобы никто не заходил!

Ученик выскользнул за дверь, и на короткий миг Кайоши остался один. Но не успел он прикрепить ниточки новых образов к общему полотну, как в комнату наведалься Цу-Дхо.

– Да оставьте же меня в покое! – почти выкрикнул провидец.

– Я понимаю ваши чувства, – мягко сказал настоятель, присаживаясь рядом. – Но у вас нет времени на меланхолию. Нужно поскорее озаботиться новостями для императора и придумать объяснение вашей ошибке.

– Оставьте меня в покое! Не видно, что я взбешен?!

– Более чем.

– Тогда уходите! Мне не до вас! Мне совсем не до вас, Цу-Дхо!

– Я впервые вижу вас таким несдержанным.

– Уйдите, если не хотите свести меня с ума! Дайте хоть минуту побыть с собой! Мне не нужны ваши советы и наставления! Не сейчас!

Кайоши почувствовал, что готов встать и выдворить настоятеля из комнаты пинками. Раздражение было таким сильным, что напугало его. К счастью, Цу-Дхо не стал спорить и покинул сына Драконов.

Кайоши и без него знал, что судьбу императора нужно просмотреть в первую очередь, но человек из пустыни опять умирал. Этот проклятый незнакомец запятнал безупречную репутацию Кайоши и теперь снова ставил под угрозу его жизнь, да еще перекрывал нужные видения. Шлейф сна до сих пор окутывал провидца мутной дымкой, и это было отвратительно, как послевкусие крови во рту. Кайоши приподнялся, морщась, и с минуту колотил рулон подушки. Потом он сел, и со спины что-то отлипло с адской болью.

– А-а-й!

Наверное, упала пропитанная мазью тряпица, а казалось, оторвался лоскут кожи.

Сын Драконов пережил вспышку мучений, затем тихо пробрался к шкафу, раздвинул створки и среди сотни ящичков выдвинул тот, где в тайном отделении хранилась свернутая цилиндром шелковая лента. На ней он записывал посторонние сны, а потом просматривал и обдумывал во время ночных прогулок. Убедившись, что за тканевой стеной никого нет, Кайоши торопливо открыл шкатулку с кистью и потратил несколько минут на сочинение стиха. Пока тайнопись сохла, провидец мрачно размышлял, не забывая вполглаза наблюдать за входной дверью.

«Великие Драконы, почему я не могу просто поговорить с ним? Ни слова сказать не выходит, как же раздражает... Ни в одном трактате не написано, как связаться с духом другого человека... Мне что, собственный способ выдумывать?»

Кайоши поднес ленту к свече. Чернила уже высохли и перестали блестеть. Благо, ветер сегодня был западный и дул прямо в окно. Юноша скатал тайнопись и вернул ее на место, за боковину ящика.

«Спокойно. Держи себя в руках. Хладнокровие – лучшее оружие ума. Ты что-нибудь придумаешь, только сосредоточься и вспоминай все последовательно».

Кайоши закрыл глаза и постарался вытянуть догадки из сна, как нити из сладкой патоки. Это вышло не сразу, но провидец был терпелив и настойчив. Он привык добиваться своего и от окружающих, и от самого себя. Наконец все встало на места, и ответ оказался оглушительным. Кайоши распахнул глаза, фиолетовые, как ирисы на тканевых стенах, и сбивчиво зашептал:

– Это из-за сестры! Он умер после того, как узнал, что она погибла. Как же странно он умер... Будто сам себя выел изнутри. Великие Драконы, дайте мне поговорить с ним! Помогите мне его предупредить! Почему я не могу понять, как это сделать?!

* * *

Архипелаг Большая Коса, о-в Валаар, местность близ деревни Северный лог,

13-й трид 1019 г. от р. ч. с.

Все началось с боли в горле, которую Сиина долго не хотела замечать, как и разросшийся в груди тревожный комок. Щеки раздумянились, тело стало ватным, и скоро девушка поняла, что заболела и заболела серьезно.

Хмурые облака надвинулись на небо и замерли, а потом пошел снег. На этот раз не было похоже, что он растает. Крупные хлопья сыпались, как перья из порванного сита. За ними едва проглядывался горизонт, и Сиина смотрела вниз, на припорошенную траву и потрепанные ботинки, натершие ноги до мозолей. Подол платья цеплялся за колючки и репы. Руки в дырявых перчатках едва двигались. Ватная куртка отсырела от мороси и туманов, окутавших степи на целый тридень. Наверное, от них Сиина и заболела, а может, наглотавшись ледяных

корочек или от ночевок без огня и тепла. Она долго держалась, потому что привыкла к холодам. Зимы на Пепельном острове были затяжные и жестокие. Сиина благодарила судьбу за непогоду в день, когда их уводили из дома. Несмотря на отчаяние, она догадалась хорошо всех одеть – детям должно быть не очень холодно. У нее самой под платьем имелась теплая туника и двойные вязаные гамаши. А еще чулки и носки из настоящей верблюжьей шерсти. Уж где Иремил умудрился ее раздобыть?

Сиина брела, шмыгая носом, а снег лип ей на ресницы и мешал смотреть. Быстро темнело, чернотень обещал наступить уже после сумерек. Вскоре поднялся ветер и тут же выдул из-под одежды все тепло. Сиина коченела, а сил идти бодрее, чтобы согреться, у нее не осталось. Она давно не ела ничего, кроме безвкусного шиповника и калины. Рыбы, которую удалось приманить на реке внутренностями змеи, хватило ненадолго. Сиина не чувствовала голода, но ее раздражала слабость в теле, и жар становился все сильнее. Девушка прикладывала ко лбу горсти снега и старалась не думать о том, как переживет затмение.

Хлесткая метель рисовала в воздухе узоры, била в лицо вместе с прядями волос, мокрых не то от растаявшей воды, не то от пота. Сиина так устала, что едва волочила ноги. Она остановилась – одна-одинешенька в сизой мгле, – упала на колени и заплакала, как маленький потерявшийся ребенок.

– Астре! Ну что же ты мне не помогаешь? Ну что же ты бросил меня?

Горло вспухло, слюна стала вязкой, и говорить без боли не получалось, но Сиине хотелось заглушить звуки бурана. Она поднялась и побрела дальше, сбивая холодные сыпучие шапки с трав и разговаривая с братом. Снег выбелил окрестности, сделав сумерки немного светлее. Пришло время готовить укрытие, но Сиина все шла, а комок в груди продолжал давить дурными предчувствиями. Нужно было идти как можно дольше, пока еще получалось. Лавина снега не утихала – наступили те самые дни, о которых говорил Астре, когда за тридцать дней вырастали высокие сугробы. Сиина боялась не выбрать из них и задубеть в поле.

В голове мутнело, давно промокли гамаши, а в ботинки набились холодные опилки облаков, но порченная не останавливалась, чтобы вытряхнуть их. Ей почему-то казалось, что отдых ее убьет. Внутренний голос велел приниматься за убежище, но Цель требовала идти дальше, и Сиина повиновалась ей. Она знала, что черное солнце пока не опасно: небо укрыто завесой туч и скорее всего надолго.

Пурга душила не хуже песчаной бури, лишь изредка девушка могла разглядеть тающий вдаль горизонт. Когда она подняла глаза в очередной раз, то оцепенела. Впереди светились огни. Далекие и мигающие из-за снегопада. Вот куда вела ее Цель.

Сиина обрадовалась. Не людям, а мысли о том, что рядом с селением есть сеновалы и можно спрятаться в стогу. Но мечта тут же разбилась о понимание – ометы давно убрали.

Сиина посмотрела на деревню, потом на высокие горы вдаль, кудрявые от заиндевелых дубов. Где-то там стояла избушка Зехмы, но сколько девушка ни старалась, не увидела среди гущи ветвей пятнышка оконного света. Поземка снова ударила в лицо. Сиина отерла его влажной варежкой и глянула под ноги. Они утопали уже по щиколотку и дрожали от слабости.

– Вот и все, – сказала она сама себе. – Вот и все.

В этот миг Сиина поняла, что не доберется до леса, а если и дойдет, на убежище не хватит сил. Она уснет под каким-нибудь деревом и замерзнет. А может, станет лакомством для волков или не успевших уйти в спячку медведей. В деревне ее тут же распознают по уродствам и убьют, привязав к столбу на морозе, потому что дорог уже нет и никто не повезет порченную к Валаарию.

– Да что мне делать-то? – прохрипела Сиина, ударяя себя в грудь и падая в наметенный ветром сугроб. – И что мне теперь? Зря шла? Вот так и умру? Прямо тут?

Она легла на спину и смотрела, как из темноты летят, пританцовывая, озорные снежинки. Цель сдавливала грудь, и Сиина вдруг, впервые в жизни, так разозлилась на нее, что закричала:

– Не дождешься, поганая!

И, кое-как поднявшись, пошла к деревне.

– Устала я от тебя, – всхлипнула порченная, держа руку у груди, где пульсировал липкий комок. – До смерти устала. Если я умру, ты со мной сгинешь. Так что говори, поганая, в какое место идти и где спрятаться лучше. Я обещала ему выжить. У меня, кроме этого обещания ничего для него нет.

Оставшийся путь до деревни Сиина преодолела в потемках: в домах затворили ставни, спасаясь от холода и затмения. Чужое место встретило Сиину лаем собак, и целая стая псин бросилась на девушку, едва та ступила за ворота. Они неслись черным потоком, неистово бреща. Наверное, на время затмения их отвязывали, чтобы гоняли лис, которые были падки до местных курятников.

Оцепенелая, замученная Сиина вмиг представила, как ее валят в сугроб и грызут до крови. Как распахиваются ставни домов, хлопают двери и наружу выбегают люди. Липкий ком разросся и заполнил грудину. От него сперло дыхание. Сиина стояла, глядя на звериные оскалы и захлебываясь приступом. Когда первая собака подскочила и вцепилась в ногу, Сиина закричала. Ком сжал легкие и, лопнув, разошелся по округе кольцами страха, ударил в дома и ворота. Люди за стенами испуганно охнули, псины заскулили и все, как одна, помчались прочь, поджав хвосты. Сиина стояла зареванная и обезумевшая от ужаса, пока ноги не подкосились.

«Вот сейчас, – думала она. – Сейчас они выскочат и найдут меня. А я даже встать не могу».

Но никто не вышел, а ставни так и остались закрытыми. Снег падал на плетни, увитые сбросившим листья виноградом. На чей-то дырявый сапог, повешенный на забор, на крыши нахохлившихся избушек, на ступени крылец, где после чернодня устанешь размахивать метлой. Вьюга все кружила, и Сиина вдруг поняла, что страха в ней нет. Он весь вышел, а внутри не осталось ни капли. И хотя от жара плавилась голова, девушка сообразила – люди не покинут дома в такое время, собаки испугались, а пурга поможет скрыть следы, и если порченная где-нибудь спрячется, ее никто не заметит.

– А ну-ка подкажи мне, – шепнула Сиина. – Ну-ка подкажи, куда идти. Живо подкажывай. Вон в тот двор? Или в тот?

Она встала, опершись о столб, и глянула на один дом, потом на соседний. В груди неприятно защемило. Тогда порченная принялась осматривать другие усадьбы, подмечая, как сделаны сараи. Они пристраивались к избам вплотную или соединялись с ними деревянными галереями, по которым в чернодень можно было пройти в хлев, чтобы помочь разродиться корове, покормить свиней или собрать яйца. Разве оставишь скотину одну на целые сутки? Когда-то у Иремила тоже были животные, но с появлением Рори от них пришлось отказаться. У жалельщика не выдержало бы сердце, возмись прималь кормить его супом из курицы, которая цыпленком сидела у него в руках.

Сиина брела от двора к двору, отворяла калитки и тихонько подходила к окнам, но ничего доброго Цель не сулила. Девушка прошла почти всю деревню и совсем вымоталась, когда обнаружила один-единственный дом, где страх чуть поутих. Хлев тут был отгорожен от избы галереей, на крыше темнел здоровенный омет, накрытый просмоленной тряпкой. Если вырыть в нем берлогу, можно переночевать, а утром уйти, пока никто не видит. Сиина прошла мимо двери сарая, запертой на крючок и заслон. Приставила ухо к щели и услышала, как корова жует жвачку, блеет овца и кудахчут куры. Желудок свело от мысли о молоке и яйцах. О размоченных в воде сухарях, которыми подкармливают свиней. О прелом пшене, брошенном птицам.

– Дура ты, что ли? Чего удумала? – шепнула она себе, а потом прислушалась к Цели. – А вдруг изнутри замка нет? Можно, я туда войду, а? Хоть одно яичко...

Комок был маленьким и неприятным, но не расползался.

– Корову подоили уже. Ночь на дворе. Никто не должен войти пока что. Так ведь, а?

Цель ответила слабой тревогой, и Сиина, сглотнув, сняла засов, сбросила крючок и легонько толкнула дверь.

«И правда изнутри не закрыли. Странно это».

Девушка скользнула внутрь и провалилась в тепло, пропитанное морем запахов: сена, барды⁵, навоза. Все это было такое живое, такое родное после пустошей Хассишан и мертвых степей, что захотелось плакать. Сиина стала тихонько щупать стены у двери и нашла наверху, на полке, коробку спичек и шершавый камень, вделанный в брус. Она двинулась чуть дальше, затаив дыхание и очень боясь напугать животных или что-нибудь задеть, коснулась висящей на гвозде лампы, чиркнула спичкой по камню и зажгла фитиль.

Теплое пламя колебалось от тряски. Сиина держала лампу обеими руками, но даже так было тяжело. Тогда она обняла ее, греясь о стеклянную колбу и приглушая опасный свет. Под ногами валялась мятая солома. В одном стойле всхрапывала черная лошадь, в соседнем чавкала травяной жуйкой корова в нарядных трехцветных пятнах. К ее вымени присосался теленок. Сиина тихонько подошла к корове и погладила ее по боку.

– Здравствуй, моя хорошая.

Корова вела себя спокойно, только изредка помахивала хвостом, и Сиина облегченно вздохнула: волна ее страха досюда не дошла. Она повесила лампу на гвоздь, присела на корточки и потянулась к плохо промытому вымени. На руку брызнула теплая струя. Сиина обрадовалась, что для теленка оставили немного молока, значит, и ей хватит. Она лизнула ладошку, потом стала искать, во что можно подоить.

На крючке неподалеку нашелся шершавый ковш с почти истершимся ягодным рисунком. Сиина умудрилась нацедить добрый стакан молока и тут же жадно выпила. Как приятно было больному горлу ощутить во рту теплую, жирную сладость!

Утершись и покачиваясь от усталости, девушка двинулась дальше и обнаружила за перегородкой курятник, где на жердочках сидели, нахохлившись, сонные птицы. Шуму от их недовольства было много, но Сиина не отступила. Ей удалось найти три яйца и выпить их.

Успокоив желудок, она потушила и вернула на место лампу, но не смогла заставить себя выйти из сарая в завьюженную темноту.

– Обсохну немного и пойду, – шепнула она Цели, садясь в ворох соломы и подтягивая колени к груди.

Озноб скоро прошел, снова стало жарко. Сиина облизнула потрескавшиеся губы, вспоминая вкус теплого молока. Веки тяжелели. Боль в животе утихла, но навалилась болезненная слабость. Будто огромный медведь лег на Сиину, придавив ее горячей тушей. Она забылась в полубреду и уснула, не помня ни о Цели, ни о стоге сена, так и не дождавшемся ее.

Кошмаров не было. Наверное, они улетучились вместе с комком страха, прыснувшим во все стороны собачьим скулежом. Цель давила и ныла в груди, но болезнь одолевала хуже некуда, и не осталось сил думать о боязни. Ломота дробила кости, прошибал пот, а потом вдруг морозило до трясушки. Горло совсем вспухло, глотать было больно, и нос забился.

Сиина проснулась, когда в переходе послышался звук шагов, но не сдвинулась с места. Вскоре грохнула, всполошив курятник, дверь, ведущая в сарай. Теплый свет озарил полумрак, и какое-то время на стенах бесились тени, а потом замерли: фонарь повесили на гвоздь.

– Ой! Мамочки! – взвизгнула молоденькая пузатая девица. Она схватилась за вилы и наставила их на порченую. – Ты кто такая, а?!

Сиина не догадалась прикрыть лицо.

«Чернодень на дворе, – вяло подумала она. – И болею я. Бежать некуда все равно. Одни сугробы снаружи».

⁵ Барда – гуща, которая остается от винокурения или пивоварения и употребляется в качестве корма для домашних животных.

Порченная сидела, не шелохнувшись.

– Ты кто? А ну пошла отсюда, уродка! – взвизгнула девушка, ткнув в нее вилами. – Пошла вон!

Неожиданное спокойствие было вызвано не только усталостью. Сиина вдруг поняла это.

– Одна ты? – спросила она, глядя на трясущиеся руки хозяйки. – Поэтому никого не зовешь?

– Д-дома он! Яхон! Яхон, тут чужая!

– Да уж не старайся, – сказала Сиина, с трудом поднимаясь. – И не волнуйся так. Ребеночку навредишь.

– Да ты! Уродка! Уходи отсюда! Уходи, не то заколю! – чуть не плакала девица.

Глядя на то, как она дрожит, Сиина ощутила прилив храбрости.

– Не прогонишь ты меня, – хрипло проговорила она. – Если я сгорю или замерзну, твоя вина будет. Мало ли кто у тебя родится, а? Никто же не знает, какая у ребеночка доля.

Это было жестоко и неправильно. Сиина боялась ранить других, но, чтобы выжить, она представила слезы детей, узнавших о ее гибели. Вопли Марха и рыдания Рори. Голос Астре в темноте шалаша и его последнюю просьбу.

Боль, которую причинила бы смерть Сиины любимым людям, не шла ни в какое сравнение с запугиванием этой маленькой незнакомой женщины, близкой к рождению малыша и оттого чуткой к проклятиям. Выбирая худшее из зол, порченная впервые обманула Цель.

– П-по-хорошему уйди, уродка! – слабо попыталась прогнать ее девушка, но все в ней уже надломилось, и Сиина почувствовала превосходство.

– Если по твоей вине умру, порченого родишь, – сказала она, отстраняя вилы и смело глядя в лицо зареванной хозяйке. – Ты меня не бойся. Я плохого ничего тебе не сделаю. А если прогонишь – в сугробе закоченею или сгорю под затмением. Вот тогда не поздоровится тебе. Грех на тебя ляжет. Не кричи лишнего. Никто про меня не узнает. Уйду потом, и спокойно заживешь. Муж твой где? Долго его не будет?

Девушка сбивчиво дышала, все еще не опуская вилы и глядя на Сиину уже не столько испуганно, сколько несчастно. И стало вдруг понятно: ей не больше семнадцати. И это всего лишь девчоночка. Круглолицая, полная, в синем цветастом платье, присборенном под пышной грудью, шали на плечах и кое-как повязанном спросонья белом платке.

Сиина вспомнила плохо промытое коровье вымя и, глянув на живот девушки, подумала, что ей, должно быть, нелегко вести хозяйство в таком положении, а помочь некому. И сарай она не заперла по рассеянности. Наверное, муж привез ее из другой деревни, а родители остались там. Живут они пока вдвоем с супругом, и хозяина дома нет.

– Когда вернется твой Яхон? – спросила Сиина.

Девица крепче сжала вилы и зарыдала в голос.

– Не реви, дуреха! Ребеночка испугаешь!

– И чего ты сюда приперлась на мою голову-у-у? – выла хозяйка. – Еще и в Новый год! И так я несчастная! Все у меня болит! Яхон через тридцать только приедет! А мне рожать скоро! А мамка далеко! Тут одни бабки да тетки незнакомые! И ноги у меня пухнут! И поясницу ломит! И скотина эта проклятая, все ей жрать, да убирать за ней, а тут ты еще! Тебя еще мне не хватало на праздник! Ой, порченого рожу-у-у-у-у! Яхон меня бро-о-о-осит тогда-а-а-а!

Она стояла и ревела, держа вилы, как трезубец, и Сиине вдруг стало и смешно, и жалко ее. И захотелось обнять, словно бестолковую младшую сестрицу.

– Малина есть у тебя? Или мед? Болею я. Мне бы чаю с малиной. Пойдем, я тебе потом помогу скотину убрать.

– И не вздумай, уродка! Еще скотину мне попортишь! – топнула девушка и опять наставила на Сиину вилы.

– Да уж конечно. Скотина у тебя порченная родится, если потрогаю. В черnodень. Родится свиненок безногий, пойдет Яхон твой его прирезать, а тот ему как в самую душу заглянет с укором! Что ж ты, мол, делаешь, бессовестный? И помрет Яхон со страху.

Девушка выпучилась на Сиину, хватая ртом воздух.

– Т-так скотина-то порченная не бывает, – шепнула она с сомнением. – Она же... во все дни обычная рождается.

– Ну и чего ты тогда испугалась? – усмехнулась Сиина. – Самой-то не смешно, дуреха? Скотину я ей попорчу! У коровы твоей титьки все потрескались, смазать надо. И вымя ты промыла плохо. Убери уже вилы свои, сама еще напорешься на них.

Порченная оттолкнула зубья и пошла к двери, стараясь твердо держаться на ногах. Но перед глазами все плыло, и новая волна жара ударила в голову. Сиина привалилась к стене и сползла по ней без сознания.

Глава 3 Принц Соахийский

*Запись от вторых суток Белого Дракона.
Четвертый узел. Трид сухотравья. 1019 год эпохи Близнецов.*

*Они бы погибли, но кто-то невидный вмешался.
В том поле и после – на мельнице с рухнувшей крышей.
До этого он провинился, став водной акулой,
Которая, видно, была первой значимой точкой.
Потом он скрывался, свой дар никому не являя,
Но случай на мельнице выдал его и разрушил.*

* * *

Осита – прыщавый мальчик с ужасным чесночным запахом изо рта, приставленный к Кайоши слугой на время наказания, – весело сказал:

– Завтра вечером приедут мэджу⁶! Вам позволено выйти посмотреть на них. Император удовлетворен, что вы определили беременность наложницы.

Осита осторожно положил на пол возле провидца шелковый узел и принялся развязывать.

– Что это? – сонно спросил Кайоши, пытаясь почесать бамбуковой тросточкой спину под повязками.

Она заживала, но это доставляло больше мучений, чем радости.

– Настоятель беспокоится о вашем здоровье, вы давно не выходили из храма и никак не развлекались. Он велел принести вам солнца.

С этими словами Осита откинул материю, и Кайоши увидел зеркало, в котором отразились огни фиолетовых ламп. Они крепились к многочисленным балкам, разделяющим потолок на равные квадраты, заполненные шелком с золотыми узорами. Ткань нарочно оставили ненатянутой, чтобы от ветра она колыхалась подобно медовым волнам.

– Я весь день держал его на крыше, – сказал Осита, очень довольный временной ролью слуги главного провидца императора. – А небо было ясное с рассвета до заката. Тут все лучики для вас собрались. Я оставлю его на ночь, чтобы вы приободрились. На кухне вам готовят чай с имбирем, сейчас принесу.

– Хорошо, – задумчиво пробормотал Кайоши и встрепенулся, только когда мальчик поднял дверь.

– Эй, Осита! – гневно крикнул он, бросая в слугу мягкий сапожок. – Перестань уже есть чесночные конфеты! Здесь и так дышать нечем!

Слуга взялся жарко просить прощения, но провидец велел ему захлопнуть рот и убираться из покоев. Осита вылетел в коридор дротиком, не догадавшись даже открыть окно. Кайоши попросил у Богов терпения, сам сдвинул створку и вместе с ветром сумерек захлебнулся волной недавнего сна.

Вновь сухие стебли травы до колен и мельница у мутной реки. Что произошло там кроме того, что Кайоши уже знает? Почему это место так важно? Он закрыл глаза и мял в ладонях мертвые соцветия, срывал и растирал между пальцами корзинки семян и видел, как они падают, блестя в лучах алого восхода. А ведь в прошлый раз был вечер, и гроза затянула небо ширмой туч.

Звуки и запахи доходили до Кайоши медленно, как в почти замершем течении реки. Он должен был что-то понять, выхватить и заметить. Это рассвет, и ветер не такой холодный, как в прошлый раз. Наверное, другое время года, но степь уже сухая. Значит, на тридцать или два раньше случая на мельнице.

Кайоши часто дышал и перебирал пальцами в воздухе, будто снова шел по полю, касаясь верхушек растений. Он сосредоточился и увидел что-то еще. В траве перед ним лежал человек. Провидец попытался рассмотреть его и вздрогнул, когда мимо прошел мужчина в темных одеждах. Он пах кровью. Кайоши обернулся ему вслед и долго провожал взглядом. Степь у мельницы промочила дождем, а здесь было сухо, но эти два места связаны. Какую ниточку провидец никак не может уловить?

– Ваш чай, Каёси-танада⁷! – выкрикнул Осита, пролезая под не до конца поднятой дверью.

⁶ Мэджу – прославленные кудесники, певцы и актеры Чаина. В отличие от обычных бродячих артистов, они могут выступать в домах привилегированных особ и на площадях крупных городов. Среди мэджу не бывает женщин, поэтому им разрешено время от времени давать представления в храмах.

⁷ Танада – суффикс, который добавляется к имени человека, достигшего наивысшего мастерства в какой-либо деятельности. Используется в официальном стиле речи. Символизирует уважение, восхищение, подобоострастие. Не используется при дружеском общении, как, например, между Кайоши и Цу-Дхо.

Он был мал ростом и ленился вставать на табурет, дабы закрепить входную раму, особенно когда держал что-нибудь в руках. Кайоши сто раз говорил мальчишке соблюдать тишину, но тот не отличался умом и послушанием. В обычное время он прислуживал провидцу Доо – одному из самых неудачливых работников храма.

– Чай, чай, я принес чаек!

Голос Оситы распорол тонкую пленку видения, и Кайоши вздрогнул, как от удара палкой, так и не успев соединить два узелка.

– О Боги-Близнецы, я придушу этого мальчишку! – воскликнул он, хватаясь за подвязку на широком рукаве. – Вот этим шелковым шнурком придушу!

– Помилуйте, Каёси-танада!

Осита с подносом в руках, скрючившийся в три погибели и подпиравший спиной дверь, пытался осторожно пролезть в комнату, но от гневного голоса провидца дернулся, пробкой выскочил из проема и растянулся на полу. Позади упала, придавив мальчика, дверь, впереди грохнулся поднос. Чайник завалился набок, выплескивая кипяток на дорогой судмирский ковер. Круглый зефир, печенье, рисовые пирожные и конфеты в сахарной пудре покатались под ноги Кайоши, окончательно лишая его главной радости дня.

– Да что это за наказание! – возопил провидец, забыв обо всяком терпении. – Как ты посмел испортить мои сладости?!

– Помилуйте, Каёси-танада! – ревел Осита с такой силой, что казалось, расписные перегородки надуются и лопнут вместе с нервами провидца. – Я сейчас все-все подберу, тут еще можно их кушать! Вот, смотрите, все съедобно!

Мальчик запихнул в рот зефирину и воззрился на Кайоши с таким видом, будто провидца это должно было непременно успокоить. У сына Драконов задергался глаз.

– Просто убери все и проваливай, болван! Я не ем то, что плохо сервировано, неровно лежит или не выглядит симметричным и одинаковым! Запомни это, Осита! Хотя бы одной из своих двух извилин, раз уж первая помешалась на чесночных конфетах!

Наконец прогнав никчемного слугу, Кайоши занялся расшифровками. Вскоре принесли полдник, но, когда провидец добрался до него, оказалось, что причудливо уложенный рис подсох, а заветренные ломтики лосося по вкусу напоминают каучуковую жвачку. Юноша морщился, пока жевал их, и скучал по дням, когда работал только над судьбой Ли-Холя и не был обременен таким ворохом проблем.

После еды провидец достал гобан из семисотлетней кайи и две старинные чаши из тутового дерева. В одной лежали золотые, а в другой – аметистовые камни. Они мерцали и переливались от марева подвешенных к потолку фонарей-фиалок. Более дорогой набор «дыхания камней» или «го», как говорили на востоке, мог позволить себе только император. Это был подарок Кайоши за раскрытие важной политической интриги. Теперь пришло время разгадывать с его помощью кое-что посложнее.

Провидец достал из мешочка, спрятанного под одеждой, шелковую ленту, развернул ее и начал формировать рисунок.

– Восемь веток видений и я. – Он говорил очень медленно, чтобы в случае ошибки подсознание успело ее определить. – И столько же звездных точек. Я поставлю фишки в центр каждого из девяти квадратов и заполню их все.

Кайоши взял фиолетовый аметист и подвинул его в середину гобана.

– Это я. В точке внутреннего квадрата – первого дворца. Я тот, кто соединен с каждым. Линии дыхания тянутся от меня к ним с помощью видений. Все остальные на четвертом уровне между «жизнью» и «небом». Теперь я должен выбрать для них камни.

Юноша замолчал, прислушиваясь к интуиции, и, не получив опровержения, поставил золотую фишку в звездную точку справа от центра.

– С этой девочки все началось. Из-за нее появилась Акула и произошел сдвиг во времени. Потом была мельница и семья. – Кайоши взял еще один камень и поставил в правый верхний квадрат доски. – Я обозначу их золотом, но буду иметь в виду, что тогда с ними был прималь. А самого прималья я отмечу, как себя.

Провидец положил аметист в центральную часть первого ряда. Он оказался на одной линии с его фишкой.

– Молодого шамана тоже нужно поместить на одно дыхание со мной.

Фиолетовый камень занял место в середине нижнего ряда, и три аметиста образовали вертикаль, разделив доску на две части.

– Прималья из Руссивы пойдет вот сюда, слева от меня, посередине. Она пересекается со мной напрямую. Сестра пустынного человека... пусть будет здесь, слева от него. Теперь она, прималь и его семья на одном пути дыхания. Девочка, вызвавшая Акулу, связана с... – Кайоши вздохнул: он почти ничего не знал про эту ветку, но человек из нее не прималь, поэтому ему достался золотой камень.

Провидец установил его в правый квадрат третьего ряда, на одно дыхание с девочкой. Пустым осталась только левая нижняя звезда. Туда Кайоши тоже положил золотую фишку, обозначив ею наемника, чей учитель раздобыл яд, которым убили Такалама.

Все девять точек были заняты, и провидец начал соединять их цепочками камней. Первым делом он связал всех прималей. Потом заполнил пути дыхания между человеком в пустыне, его семьей и сестрой. Семью он пересек с Акульей девочкой, от нее провел линию вниз, к незнакомцу. От незнакомца, через шамана, протянул связь к наемнику, ибо в видениях прошлого эти двое находились рядом. Кайоши поставил последнюю фишку и затрясся от волнения. Как и предупреждал сегодняшний сон – он получил подсказку.

Этот иероглиф появился около тысячи лет назад и считался ровесником пришествия Богов-Близнецов. Говорили, что раньше слово состояло из двух других символов и не относилось к простым, базовым, но с наступлением эпохи Близнецов знак «Е» в идеограмме «ЕJ» – «солнце» – повернули в противоположную сторону, чтобы он смотрел не внутрь квадрата, а наружу. Так получился символ «EJ» – «затмение», ставший одним из основных в системе знаков Чайна.

– Как я и думал, – прошептал Кайоши. – Нас всех связывает Черный Дракон.

* * *

*Архипелаг Большая Коса, о-в Валаар,
13-й трид 1019 г. от р. ч. с.*

Ох и сырятина кругом. Не лес, а болото. Да еще дураки эти воют хуже волков, мокроту разводят слезами своими. Так и заплесневеют совсем.

Генхард шумно шмыгнул носом, в который раз оглядывая мрачное сборище. Давно пора было что-нибудь сообразить. Холодина-то не на шутку разыгралась. Рукава скоро от соплей остекленеют, и едой не согреться. Последние сухари наружу повыскакивали, одни воспоминания от них остались. Желудей, конечно, погрызли, да горькие они, заразы, аж язык вяжет, и много сырыми есть нельзя: сам себя потравишь. Надо в кипятке вымочить, чтобы мягкими стали и сладкими, а откуда кипяток взять, когда и костер запалить боязно?

Генхард робел сначала, язык за зубами держал. Вроде Марх тут главный, ему и командовать. Но прятались они уже второй день, а эта Вобла правдолюбская до сих пор и пальцем о палец не ударила. Сидит, мхом прорастает.

Дело понятное. Столько лет вместе жили, а тут вдруг разошлись. Как не огорчиться-то? Генхард недолго с ними пробыл, а уж сам чуть соленую не пустил, когда его бросили почти.

Все расстроились, но главная вина Мархова. Он первый сквасился, а за ним и остальные реветь начали. Один Генхард не куксился. Глядел он на хлюпиков, глядел и так рассвирепел, что не выдержал больше молчать.

– А и чего вы развылились, как по мертвым? Дураки совсем?

Никто не слушал. Вобла оперся спиной о ствол дуба, в землю смотрел и теребил травинку. Яни и Рори дуэтом причитали. Илан, как призрак, за деревьями маячил, за ним Дорри топтался. Лучше бы ягод поискали. Чего шляться без дела?

– Вы меня слышали, нет? – рассердился Генхард. – Как по покойникам воеете! Куценожка сказал, куценожка сделает! Выведет он их! И куда надо доведет! Они небось за день столько проходят, что глазом не измерить! А вы разнылись, из леса носы высунуть боитесь! Тьфу на вас! Позорище какое!

Марх зыркнул на болтуна исподлобья. Генхард к Рори отбежал: мало ли, вдруг Вобла драться полезет.

– А он дело говорит, – всхлипнул здоровяк, утирая локтем заплаканные голубые глаза. – Надо выходить отсюда. Замерзнем, или волки нас поедят.

– Вот и я про то! – поддакнул Генхард. – Как по лесам прятаться, так вы смелые сразу. Да только на Валааре даже лесов бесхозных нету. Бандоги тут бродят кучами. Это пострашнее зевак деревенских. Вы же и драться не умеете! В город надо или хоть в село.

– Ни в какие села мы не пойдем, – отрезал Марх. – Мы порченые. Мы не сможем жить среди обычных людей.

– Ах ты ж, порченые они! – всплеснул руками Генхард. – А ты на меня глянь! Один в толпе вашей! Как груздь в поганках! И ничего! Не околел!

– А ну иди сюда, груздь, я тебе шляпку-то пообломаю! Вобла до того оживился, что аж бегать за Генхардом начал, да и остальные приободрились. Яни засмеялась даже.

После пары болезненных щелбанов азарта прибавилось, и Генхард продолжил толкать вдохновенную речь:

– Тут дело такое. Надо обустроиться и деньжат как-то к весне подкопить. На них и еды закупить можно, и лошадей. Верхом-то раз в десять быстрее скакать выйдет. Прибарахлитесь, значит, и как только снег сойдет, поедете к этому Зехме. А если так и будете сидеть, одни сопли в гостинец собирать придется.

– И где мы обустроимся, умник? Ты думаешь, зайдем в любую деревню, а там уже блины пекут и печку топят в нашем новом доме?

– Нет, конечно! – Генхард руки в боки упер и всем видом показывал, что сдаваться не намерен. – Так просто это не будет. Но и не смертельно, как ты расписал. Стращаешь народ только. А я вот видел, что уродка тут кой-кому из вас перед уходом денежку сунула. Это уже не с пустыми карманами шляться!

– Сунула, – выдохнула Яни, нащупав под курткой кошелек с несколькими монетами. – Но тут совсем немножко. Купить дом нам не хватит.

– А ну и что! – Генхард скрестил руки на груди. – Зато на первый раз еды раздобыть сможем, а там я подворую, чего где плохо лежит.

– Даже не думай! – посуровел Марх.

Вороненок обрадовался. Если Вобла ему это запрещает, значит, согласен пойти.

– Да шучу я! Работу найдем. Осень же нынче – пора хлебная. Кто хоромы к зиме новые справляет, кто урожай собирает. Дел всюду полно. Иногда у хозяина и сараюшка для работников находится. Мы же не калеки какие. Справимся. Где поторгую, а где подворую. То есть... Ну, поняли вы меня!

– Ладно. Я пойду проверю силки, – сказал Марх. – Может, попался кто. Потом пойдем.

– Ты только смотри шкурку не подпорть! Продадим! – предупредил Генхард, внутренне ликуя.

– Хорошо, что ты у нас е-е-есть, – завывла пуще прежнего Яни, вцепившись в него. – Ты все зна-аешь!

– Хватит об меня нос свой сопливый вытирать! – смутился Генхард.

Уши у вороненка так и зардели. Он даже приобнял девчонку и похлопал по спине. Герой всегда лучше смотрится, когда кто-нибудь на груди у него ревет. И подумаешь, со всех шаек гоняли. У Генхарда теперь своя ешь, и он тут самый главный. Потому как умный и выживать умеет. Так что пусть виснут на нем хоть целой толпой.

Уже вроде бы все решили, но тут Вобла с зайцем пришел, и такой спор завязался, аж до хрипоты. Давайте, говорит, в лесу останемся. Тут животные полно, прокормлю я всех. Но Генхард недаром кровей благородных. У него талант людей за собой вести, как у настоящего соахийского принца. В общем, чуть не в скулеж и слезы, зато Воблу уговорил. И не в деревню идти, а в городишко. В этих селах уж больно за новенькими приглядывают, все выуживают. Сплетников там больше, чем клещей на скотине в весеннюю пору, а работы нет почти. Столицы всякие – тоже плохо. В сердцевине богато и красиво, а по окраинам даже в ясный день вооруженной толпой ходить опасно: на каждом шагу то убивцы, то воры, то головорезы. Если лицом вышел – в рабство схватить могут. А нет, так вспорют кишки, и дело с концом.

Заночевали все же в лесу. Оказалось, что Вобла проклятый даже из сырятины костер палить умеет. Накопал трухи в пнях, грибы какие-то отодрал с деревьев, сообразил одно с другим и подпалил. И такая рожа у него стала противная, как будто из-за дуба вышел соахец и назвался Марховым батькой. И никто не заметил, что огонь – это Генхардова заслуга. Он же не дурак! Даже впопыхах догадался кресало с собой взять и кремень.

– Ишь, как мордами засияли, – пробормотал обиженный вороненок, наблюдая за просветлевшими при виде костра лицами порченных. – А без меня уже и померли бы давно.

– А какой ты хороший! – прижалась сбоку Яни. – И все у тебя есть!

– Да чего ты за меня цепляешься, как белка за орех? – проворчал Генхард, но прогонять девчонку не стал и теперь тоже шурился на пламя с удовольствием.

Когда ветки разгорелись, Марх с Иланом зажарили, не хуже охотников, зайца с желудями, и настоящая вкуснятина вышла. Генхард еще и посмеялся от души над тем, как Яни с Рори животинку оплакивали, прежде чем слопать. Марх им чуть не насильно мясо в рот пихал. Потом легли спать в укрытие, надышали и обнялись друг с другом. Вроде и тепло, а за черноту задубели, как цуцики. Генхард раньше всех проснулся, отцепил от себя Яни, выглянул наружу и охнул. Глаза болели от белизны: выпал первый снег, и все кругом стало пушистым, сияющим, праздничным.

До нужного места целый день добирались. Сначала пару деревушек прошли, где жители подсказали, куда путь держать. Порченные на крестьян с таким страхом смотрели, что Генхард боялся, как бы не бросились наутек.

Город показался на горизонте ранним утром. Главные ворота почти не видать было из-за тумана. Снег чуть подтаял, и под ногами чавкала грязь, делая ботинки весом с еще двух Генхардов. Возьмешься стаптывать да стряхивать, а ошметки летят куда попало. Иные прямо в рожу. И ладно, если в свою, а не в Мархову, а то как схлопочешь от Воблы леща по шее.

Серая громадина стены из каменюг здоровенных тянулась в обе стороны от ворот и плавно уходила в белую дымку. Генхард первым делом подошел к пестрым столбам-вестникам и стал разглядывать привязанные к ним ленты. Его интересовали синие. Они означали, что кому-то нужны работники.

– Так. Кузнецов у нас нету, – пробормотал он, увидев рисунок на конце первой тряпицы. – Или есть?

– Нету, – ответила Яни, заглядывая ему за спину.

– А стряпухи?

– Немножко. Меня сестра учила.

– Немножко не пойдет. Богатым господам не как попало стряпать надо, а всякие блюда роскошные вроде поросей с яблоками. Ну или рыб в сметане.

Желудок протяжно заурчал.

– Эх, ладно, чего тут у нас? О! Плотники нужны!

– Где? – встрепенулся Илан.

– А вот! Так, эту мы отвяжем. Смотрите все сюда. Будем искать дом с таким же знаком на воротах.

Генхард продемонстрировал его порченным, потом сунул ленточку за пазуху и вернулся к изучению столбов.

– Так, это не то. И это. Это тоже. Чего-то и выбрать нечего...

– А ты говорил, работы полно, – тут же заклацал челюстями Вобла.

– И полно! Каждый день ленты новые привязывают. На сегодня одну нашли. Хватит нам. Пойдемте.

– Будем искать дом со знаком? – робко спросила Яни.

Ей никак не хотелось в город. Генхард нахмурился, почесал подбородок.

– Ладно, я пока сам пойду. Вы же глазете на людей, как дикие. Еще и в стороны шарахаетесь. Лишний раз народу не будем показываться. Спрячьтесь вон за те кусты и меня ждите. Я схожу, разведая, что да как. Про работу узнаю и поищу, где нам на первое время остановиться. Потом проведу вас по местам, где потише. Яни, дай сюда денежку.

Вобла зыркнул с подозрением и начал пытаться Генхарда каверзными вопросами, но ничего не добился: вороненок не врал.

– Ты смотри там, без нас пироги не лопай, – предупредила рыжая, шмыгнув носом.

– Нашла чего ляпнуть, – буркнул недовольный Генхард. – Герой я или не герой?

Мгновение спустя он шагнул вдоль стены, выискивая лазейку. Только дурак станет тратить драгоценную монету на проход через городские ворота. Для шустряков обязательно найдется где-нибудь щель. Она и нашлась – посреди свалки. Заваленная мешками, почерневшими досками и куриными перьями. Курицы тут тоже валялись, здорово кем-то погрызенные. Наверное, хворь какая приключилась, и хозяин поспешил выбросить больных птиц.

Свято место пусто не бывает, так и свалка не сдалась без боя. Сначала пришлось прогнать собак. Воронье тоже мешало, но и с ним Генхард не церемонился. Расшугал всех и взялся освобождать проход. Минуту спустя он поранил палец ржавым гвоздем, весь измазался в какой-то гадости и стал окончательно похож на хозяина плесневелых угодий. Повезло уже с тем, что холод глушил запахи и помоям гнить не давал.

Дыра была узкой, но парнишка и сам неширокий – просочился без труда и оказался в переулке. Там он спешно отряхнул штаны, сунул руки в карманы и отправился изучать незнакомые места. Народу в такую рань почти не было. Только пара женщин беседовала, встретившись у колодца, да лохматый старик грелся возле железного корыта, где горело что-то едко пахнущее. На Генхарда внимания не обращали. Мало ли таких оборванцев кругом ходит.

Домов понастроили много. Какие-то из дерева, другие каменные. Маленькие и большие. Наполовину земляные халупы и чуть не дворцы в два этажа. Улочки петляли путаным узором, то ширились, то сужались. Генхард все ноги истоптал, а нужные ворота не находились. Прохожие или не знали, чей символ на ленте, или отправляли Генхарда куда подальше грубой руганью. Он почти плюнул на поиски, решив подождать, когда люди проснутся и будет кого поспрашивать, но тут на пути встретилось нечто интересное.

В глубине квадратного двора, созданного стенами четырех длинных, похожих на сараи домов, стояла маленькая обшарпанная мазанка с провалами окон. Она была огорожена частоколом, из которого повыбивали добрую треть досок-зубьев. Странно, что соседи не растащили остальное на растопку.

– Что-то тут нечисто, – сказал себе Генхард. – На окраинах ни одной брошенки нет, а эта стоит почти посередь города. Чумные там жили, может?

Он опасливо подошел. Озираясь по сторонам, перемахнул через ограду и толкнул входную дверь. Она держалась только на нижней петле и тут же повисла, как пьяная. Генхард осторожно шагнул в полумрак. Его встретил толстый слой пыли, распахнутые веки ставней и пустота. В доме не было ничего, кроме печи с дырой в дымоходе. Прорехи зияли и в крыше. Генхард пошел дальше, проверяя на прочность пол, и вляпался в голубиный помет. Птицы ворковали на чердаке, будто дразнили непрошеного визитера. Вороненок тихо выругался, осмотрелся и вышел за дверь.

– Точно нечисто, – шепнул он, вспомнив старика и его корыто. – Если он ничейный, бродяжки бы в нем ночлег устроили. А если чейный, то почему никто тут не живет? Новые люди в городе часто бывают. Хозяин махом бы нашел, кому его продать или сдать. И не скажешь, что отсюда только съехали. Давно пустует-то. Наверное, правда от чумных остался.

Вороненок торопливо покинул квадратный двор и отправился дальше, но мазанка не шла из головы. Какой-то пропитый угрюмец проводил Генхарда тусклым, недобрый взглядом. Он сидел прямо на земле возле винной лавки и, видно, страсть как мечтал опохмелиться. Генхард сначала мимо пробрел, потом вернулся. Забежал внутрь магазина и чуть не впечатался в стену. Помещение было крохотной пристройкой к жилому дому: два шага в ширину и столько же в длину. Чтобы осветить его, хватало сального огарка.

Генхард огляделся и нашел колокольчик. Услышав звон, толстый лупоглазый здоровяк открыл торговое окошко и спросил, чего Генхард желает. За его спиной тускло блестели расставленные на полке графины и склянки.

– Баночку дешевого пива. Сколько будет?

– Медяк.

Генхард простился с монетой, мысленно умоляя, чтобы она пошла впрок. У него остался еще один медяк и драгоценный сребреник. Потом выскочил наружу и подошел к пьянице.

– Чего горюешь, батька? Холодно с утра. На вот, погрейся.

Генхард сунул мужчине пиво. Тот взял недоверчиво и спросил:

– Чего надо?

– Новый я тут. Прибыли только всей семьей. Это тебе за поболтать.

– Ну-ну, – хмыкнул пьянчуга.

После пары глотков он стал не таким угрюмым.

– Слушай, батька, – сказал Генхард, выждав, пока выпивка сделает свое дело. – Ты не знаешь, с какого это дома? Я уже ноги до колен стер, а все никак не найду.

Он показал знак на синей ленте.

– А-а. Так это в ту сторону. К реке. По мельнице увидишь.

– Благодарствую, – кивнул Генхард. – И еще вопрос у меня есть. Видал я дом пустой в том вон закоулке. Чейный он или нет?

– Чейный, а как же. Горшечник у нас тут живет, Фимон. Это мамыши его хата.

– А чего пустует? Я все глаза проглядел, пока по округе ходил, а брошенку ни одну не нашел, кроме этой.

– Да где ты хату халявную найдешь в такие времена? – искренне удивился мужчина. – С затмения упал?

– Вот я и не соображу, почему эта пустая? Хозяин ее сдает на житье-то? Там уже целая голубятня развелась. Людей как будто сроду не бывало.

– И не просись туда, – отмахнулся пьяница. – Я тебе как добрый человек говорю. С ума сойдешь и на нем же поедешь.

– Чего?

– Сбрендишь, говорю! Там ночами творится дрянь какая-то. Ведьма была мамаша Фимонова. Он сам в той хате не живет, и никто туда не суется, даже бродяжки. А кто ночевал хоть раз, выбегают среди ночи и вопят. Один выскочил, да так и упал. В сугробе утром нашли закоченного.

– Это что за страсти?! – выдохнул Генхард. – Призрак там, что ли? Батька соахийский! Я ж туда заходил!

– Говорят, ночами только она там ходит. Днем-то никто не видел.

– Тогда ладно, – кивнул Генхард. – А где найти мне этого Фимона?

– На кой он тебе? – не понял мужчина, сделав последний глоток и смачно рыгнув.

– Так на постой проситься буду. Если там призраки бродят, плата должна быть невеликая.

За свою недолгую, но богатую на события жизнь Генхард овладел незаменимым для беспризорника умением не обращать внимания на суеверную чепуху. Уж если уши на все это развесить, то лучше сразу ложись и помирай со страху, а оно на тебе потом еще и попрыгает весело.

Генхард где только не ночевал. В самых скверных сараях, гулких подвалах, проклятых домах и на чердаках, где вроде как водились призраки. Он, конечно, не дурень просто так туда лезть, но уличный закон гласил: плюнь на слухи или от холода околеешь на морозе.

Пьяница рассмеялся.

– А ты болван еще тот. Думаешь, я шутки шучу?

– А разве нет? Сказал бы сразу, что чумные там жили. С тех пор уж точно выветрилась зараза.

– Я тебе как есть выдал. А хочешь полоумным стать, так катись к своему Фимону. Вон на той улице живет. В хате с зеленым забором.

С полусонным горшечником Генхард торговался до ругани. Этот жадный хрыч сначала послал его в шею, говоря, что на доме проклятье, но Генхард не унимался. Тогда мужик потребовал за развалюху такие деньжищи, хоть стой, хоть падай. Еще и с уговором: если призрак их оттуда выгонит, плату все равно не отдаст. Почуял наживу, старый пень. В итоге договорились на сребреник два раза в трид. Дороговато за рухлядь, но уж и так сойдет. Порченным все равно жилью нужно было отдельное – меньше опаски, что выдадут себя. В рассказе про ведьму Генхард не верил и остальным про это говорить не собирался. Они сами кого хочешь напугают своими рожами.

На оставшийся медяк получилось купить три булки свежего, душистого хлеба. Генхард сунул их за пазуху необъятной куртки и нес так всю дорогу, чтобы не остыли, заодно и грелся. Он чувствовал себя настоящим соахийским властием. Столько дел переделал, и все для других! Ну не герой ли?

Генхард вдруг замедлил шаг и нахмурился от пришедшей в голову мыслишки.

– А чего это я так тороплюсь? А я же... Я же теперь свободный! Куценожино проклятье не работает! Я и тащить все подряд могу! И чего хочешь могу!

Тут он страшно пожалел, что отдал горшечнику сребреник: возврата уже не сделать.

– И чего я, правда? Умный вроде, а сплоховал на всю окраинную!

Генхард нашел уголок почище на крыльце одного из домов, достал хлеб и с вожделением сглотнул, глядя на золотистую поджаристую корочку.

– Еще не хватало мне с ними жить! Дурак я, что ли? Да я эдак помру за три дня!

Он уже хотел оторвать от булки румяный бок, но убрал руку и недовольно засопел.

– Стало быть, не герой я тогда? Ну и плевать! Для кого я герой? Для этой пигалицы с косичками? Велика важность! Она даже про соахийцев не знает!

Он собрался с духом и снова потянулся к теплой, ароматной сдобе. Грязные пальцы в заусенцах почти коснулись обсыпанной тмином верхушки, но замерли во второй раз.

Генхард боролся со странным чувством, которое никогда прежде у него не возникало.

На козырек крыши села ворона и с интересом посмотрела на страдания паренька.

– Чего ты пялишься? – рассердился тот. – Я тут важную штуку решаю! Идти мне к ним или нет?

«Кар!» – с готовностью ответила ворона и принялась чистить перья.

– Так я тебя и понял, чучело ты невысушенное!

Генхард обреченно вздохнул, сунул булку за пазуху.

– А и чего я буду опять ничейный? А они-то меня любить будут. Рыжая точно любит уже. Вобла злой, а остальные нормальные вроде. Я, наверное, с ними поживу пока. А если что, уйду. На мне заклятья-то нету! Свободный я! Вот чуть не то, и уйду!

Он решительно поднялся и зашагал к городской стене.

Порченые сидели там же, где вороненок их оставил. Замерзшие, грустные. У Яни опять глаза на мокром месте.

– Чего? Думали, бросил я вас? – широко улыбнулся Генхард. – А я и жилье нам нашел, и хлеба купил!

Даже Марх в ответ на такие новости перестал корчить кислую мину.

– Что, прямо так все и вышло? – недоверчиво переспрашивал он, слушая рассказ Генхарда.

– А ты прямо не знаешь, где я вру, а где нет? – огрызнулся тот, с удовольствием поглядывая, как порченые лопают хлеб.

Так и поселились они в развалюхе. Весь день драили пол, таскали с помоек тряпки, чтобы соорудить на первое время постель. Печь затопили, но неудачно: из пролома в трубе повалил дым. Часть его выходила через потолочные дыры, а другая клубилась посреди мазанки. Стали искать для починки глину и камни. Измучились все, но так и не залатали. Пришлось топить по-черному, потом проветривать. Печь успела нагреться, и возле нее было куда теплее, чем в лесном шалаше или в стогу сена, где они провели последнее затмение. Спать легли уже в полной темноте под уютное воркование голубей, и Генхард напрочь забыл о словах пьянчуги. Несколько дней новоселы прожили спокойно, пока однажды ночью из-под половиц не послышался жуткий, протяжный стон.

Глава 4

Кожица цикады

*Запись от первых суток Белого Дракона.
Третий узел. Трид спящих лесов. 1019 год эпохи Близнецов.*

*Я вижу, что время мое в этом храме иссякнет
Подобно песчинкам, ушедшим с водой из ладоней.
Сиянье цветка угасает, он тленом подернут.
Обмерзли его лепестки на ветру судьбоносном...*

* * *

Для выхода в свет Кайоши облачился в лучший наряд: шелковые брюки, тунику с воротником-стойкой, приталенный кафтан без рукавов с двумя разрезами позади, от которых полы красиво развевались при ходьбе, и высокие мягкие сапоги до колен. Провидец носил только цвета Драконов – фиолетовый и золото. Это, с одной стороны, раздражало Кайоши однообра-

зием, а с другой – говорило о его невероятном богатстве и слепило завистью всех работников храма.

Кайоши было чем похвастать в такие дни. Пуговицы из чароита. Манжеты с драгоценной вышивкой. Голенища, инкрустированные россыпью бриллиантов. Юноша так переливался и сверкал, что, стоя перед зеркалом, сам себе казался ненастоящим. Он тщательно причесался, следя, чтобы каждый волосок занял свое место, и только тогда нашел прическу совершенным произведением.

Кайоши любил идеальный порядок и стремился к нему во всем. Он всегда был аккуратен и внимателен, но в последнее время в голове царил хаос. Нервы с трудом выдерживали его, и Кайоши стал особенно придиричив к своей внешности и окружению.

Мэджу – кудесники и артисты Чаина – иногда навевались в горы Сай для развлечения местных провидцев, которым запрещался выход за стены. Кайоши не особенно любил мэджу, но сегодня ожидал их с нетерпением. После позорного битья палками в каждом углу многочисленных построек храма шептались о неудаче Кайоши и злоехидно поливали его грязью. Этим выходом юноша намеревался продемонстрировать возвращенное величие и показать ползающим по земле червякам, что им даже после перерождения не стать аметистовой бабочкой и не занять место первого провидца императора. Была и еще одна причина, неприятная до дрожи, но думать о ней предсказатель пока не хотел.

Когда образ был почти завершен, Кайоши открыл шкатулку и достал недавний подарок Ли-Холя – расшитый алмазным бисером пояс с пряжкой в виде драконов, окруживших двцветный круг солнца. Юноша закрепил его поверх жилета, еще покрутился перед зеркалом и ухмыльнулся, довольный собой. На ум пришел стих настоятеля:

*Роза в душе
Не увянет зимой.
Молодость в щеках.*

Выступление мэджу давно началось. Из открытого окна уже доносились залпы фейерверков, шум и смех. В обычные дни храм был тих и недвижим, как панцирь погибшей черепахи. Лишь слуги и младшие ученики терзали его монолитный покой подобно суетливым муравьям.

Главный город Чаина – Пичит – находился в полудне пешего пути от гор Сай. Его людная суতোлка не касалась прозрачных вод Красного озера и не мешала провидцам сосредотачиваться на снах. Но несколько раз в год, особенно по праздникам, в храм прибывали мэджу, и в эти дни обитель Богов-Близнецов ничуть не уступала живости торгового квартала Пичита.

Выступления всегда начинались под вечер: в темноте ярче раскрывались бутоны фейерверков, и только после захода солнца главный провидец императора мог покинуть комнату, чтобы смутить звезды мерцанием роскошных одежд и блеском аметистовых глаз.

Он шагал по дорожке, освещенной вереницами напольных фонариков, к краю плато, где на многоярусных ступенях возле сцены сидели все от мала до велика жители храма. Еще утром здесь не было ни гирлянд из бумажных фигурок, протянутых от дерева к дереву трепетными паутинками, ни осколков зеркал под ногами для защиты от злых духов, которые могли прийти вместе с мэджу из внешнего мира. Считалось, что увидевший свое отражение призрак становился пленником зеркала. Оно поглощало его, а потом слуги сметали осколки и высыпали в заговоренную яму за стеной, освобождая храм от пойманной нечисти.

Сцену и зрительские сиденья собрали за несколько часов – на тихой поляне для медитаций, окруженной яблоневым садом.

Фейерверки запускали вниз, на берегу Красного озера, и зрелище было, как всегда, невероятным. Кайоши остановился полюбоваться, прекрасно понимая, что народ сейчас слишком взволнован красотой праздничных огней и не заметит его блистательного появления.

На белой плитке дорожек вспыхивали и гасли желтые, оранжевые, синие отсветы. Кайоши перевел взгляд на сцену, где аляповатые мэджу разыгрывали юмореску. Он наблюдал за ними и неожиданно почувствовал, как внутри выросло и достигло предела невыносимое напряжение. Провидец бросился обратно в покои, так и не показавшись на глаза толпе. Под ногами блестели стекла, в их дробной мозаике отражались тающие брызги фейерверков, но Кайоши не смотрел, куда наступает. Драконы не ошиблись, предупреждая о сегодняшней подсказке.

* * *

*Архипелаг Большая Коса, о-в Валаар, г. Медук,
13-й трид 1019 г. от р. ч. с.*

Ранним утром какой-то ненормальный мальчишка вопил под окнами последние новости, будто в Соаху сменилась власть. Чтоб его пеплом разнесло, этого болвана. О какой угол он ударился, чтобы такое придумать? Нико хотел встать и запустить в шумного придурка ночным горшком, но раскальвалась голова. Зря он вчера столько выпил.

С другой стороны, как тут не напиться. После позорного поединка неудачи сыпались, словно бусины с порванного ожерелья. Всю первую половину трида юноша провалялся в этой лечебнице на окраине Медука – старинного городка у подножия меловых скал. Остатки денег спустил на еду, бинты и постель, но до сих пор толком не оправился.

– Проклятый Чинуш. Чтоб ты там заикался до смерти! Чтоб тебя молнией шарахнуло! Чтоб тебя акулы в море сожрали! – прошипел Нико ставшее ритуальным утреннее приветствие врагу.

Он так и не понял, правдивы ли были слова наемника о Таваре. Если да, то почему Чинуш отказался выполнить приказ мастера? Наверняка солгал. Захотел раззадорить Нико, а потом насладиться его унижением. Он помешался на титуле первого ученика и вполне мог проверить подобное.

Нет, серьезно. Какой еще заговор? Такалам каждый трид проверял Летучих мышей на верность. И в числе обязательных была клятва наследнику. Разве реально обмануть слух старика?

После такого проступка Чинуш легко не отделается. Если ему хватит мозгов, он больше не сунется в Соаху. Никогда. Иначе Нико лично снимет с мерзавца скальп, переломает ему все конечности и заставит раскаленные гвозди глотать.

Принц забылся и, сжав пальцы в кулаки, застонал от боли: запястья заживали медленно.

Хотелось поскорее вернуться в Соаху. Плевать на книгу и прималей, теперь уже не до них. Тайнственные письма будоражили воображение юноши, но лучше было продолжить поиски после возвращения на родину и не побрезговать ради этого галеоном Седьмого. Только одна причина до сих пор удерживала принца на острове – год еще не прошел. Возможно, Чинуш нарочно разозлил господина, чтобы тот прервал испытание и вернулся во дворец раньше срока.

Горластый мальчишка снова принялся вопить небылицы. Нико не выдержал, приподнялся на постели и распахнул окно. В лицо тут же повалил дым из пекарни напротив. Он стелился низко, явно к дождю. Пасмурные улицы и серые дома, затянутые ржавой листвой побитого морозом винограда, нагоняли тоску.

– Эй! – крикнул Нико. – Что за чушь ты там порешь с утра пораньше? Хочешь, чтоб язык тебе отрезали за вранье?

– Ни вот столечко не вру, господин хороший! – отвечивал паренек лет шести, задрал голову так, что не по размеру большая шапка плюхнулась в лужу.

Он выругался, спешно отряхивая ее, и снова обратился к Нико.

– Мы с батькой моим только что с Еванды приехали! Там торговцы с Соаху всем рассказывают, что власть сменилась! На престоле теперь Восьмой!

– Да какой еще Восьмой?! – вспыхнул Нико.

– А я все вам расскажу до словечка, до строчечки, господин хороший! Только вы спуститесь и дайте мне монетку! Я с утра еще не ел!

Принц раздраженно фыркнул.

– Ладно, погоди. Послушаю твои сплетни.

Долго возиться не пришлось: из-за холода Нико спал в одежде и только схватил плащ со спинки кровати. Лестница скрипела громко и противно. Ступени будто соревновались между собой, какая издаст самый отвратительный звук. Победила предпоследняя, отозвавшаяся писком и побрякиванием, от которого у Нико на скулах заиграли желваки.

В тесной прихожей пахло свечным воском и прогорклым салом. Висели по углам не знавшие чистки лампы. На полу скопился такой слой грязи, что, если поскоблить ножом, толщина с полпальца выйдет. Нико толкнул дверь и вышел на крыльцо. Шустрый мальчуган уже стоял тут как тут и тянулся за монетой, от души улыбаясь щербатым ртом.

– Ну, рассказывай.

– А монетку? Монетку-то дайте, господин хороший!

– А если сбежишь? – недоверчиво прищурился Нико.

Это было бы некстати. Денег в обрез.

– А вы меня за руку возьмите! – предложил мальчишка, суя свою грязную лапку в забинтованную ладонь принца. – Не убегу, господин хороший!

– Ну, так и быть, держи, – согласился Нико, смутившись от странного чувства.

Этот улыбчивый оборвыш с искренними косыми глазенками, вцепившийся в него, почему-то вызывал внутри теплоту.

– Ох, благодарствую! Благодарствую, господин! – обрадовался мальчишка. – Сядемте вот сюда, на бревнышко. Я вам все и расскажу!

Нико уселся и стал слушать.

– Поехали мы с батькой в Еванду, значит, еще тридень назад. Я там леденчик схрумкал вот такой вот! С ладошку мою! Рыбка это была, красная!

– Эй. – Нико щелкнул болтуна по носу. – Ты мне про Соаху рассказывай.

– А, ну так власть там сменилась. Переворот, говорят. Какой-то черный дядька с летучими мышами напал на прежнего императора и его, значит, того. Сгрызли, наверное, зверюги эти. – Мальчишка поежился. – Я летучих мышей страсть как боюсь. А они взаправду говорили про них! И семью его сгрызли тоже.

– Где ты это услышал? – мрачно спросил Нико.

– В закусье одной. Мы туда с батькой после торга пообедать зашли. А мы углем торгуем! Хороший у нас уголь!

– Как выглядели те люди, которые об этом говорили?

– Как торгаши. Но не как нашинские, а как соахские. Богатые-пребогатые. У них прямо ей-ей пыль золотая с карманов сыпалась! – Мальчишка помолчал. – А я уже пойду, господин хороший? А то кушать страсть хочется, а там на углу булки продают!

– Иди, – ответил Нико, плохо соображая.

Паренек припустил по улице. Глядя на то, как резво он убегает, Нико подскочил и выругался сквозь зубы. Этот плутенок надул его!

– Эй, крикун!

На удивление сплетник остановился и обернулся.

– А кто Восьмой властей?

– А! Имя у него дурацкое такое! Коротенькое! На две буквы всего! Ыр или Ур! Бывайте, господин хороший!

У Нико потяжелело в груди, ноги дали слабины. Ур? Правитель Судмира и отец его невесты? Тот самый Ур, с которым Седьмой так стремился закрепить отношения ради Брашского пролива? Мог ли он... Нет, невозможно. За такой короткий срок это невозможно. Спеться с Таваром, подкупить Летучих мышей и устроить переворот! Какая нелепица. Даже думать о таком не стоит. Такалам умер недавно, и Седьмой наверняка почти сразу же начал искать нового советника-правдолюбца. Разве кто-нибудь способен повернуть масштабный заговор так быстро? Или все просчитали заранее, а старика убили перед тем, как начать действовать?

Нико лихорадочно расставлял мысли, как фишки для го. Такалам недолюбливал Тавара, но никогда не заикался о его неверности. Но если подумать, мастер ножей не раз утаивал от Седьмого планы. Вроде того случая, когда он, вопреки приказу, устроил их с Чинушем поединок. А еще Тавар жаловался на урезание золота и говорил, что часть мышей, возможно, покинет их и найдет местечко получше. Наемников не удержать обещанием хорошего будущего. Они живут одним днем и не знают, проснутся ли завтра. Потому хотят иметь все и сразу.

– Выгода, – выдохнул Нико, хватаясь за голову. – Если так, то все дело в выгоде. Быть не может.

Тавар мог давно планировать измену, но не говорить об этом своим людям. Таким образом, Летучие мыши оставались до последнего верны Седьмому. И Тавар тоже. Пока Такалам был жив, мастер ножей мирился со своим положением. У него просто не было более выгодной возможности, и он клялся искренне. Но когда правдолюбца не стало, все поменялось. Нико снова вспомнил поединок с Чинушем, устроенный Таваром, и только теперь догадался – это была не просто проверка! Мастер хотел понять, сможет ли теперь вить из принца веревки. Сумеет ли настроить его против Седьмого и вернуть мышам приток заветного золота. Все ужасающе сходилось, но это значило, что отец и мать мертвы, а Соаху захватил Ур. Верить в это Нико отказывался. Он постарался забыть о словах мальчишки и как ни в чем не бывало поднялся обратно в комнату.

Дурак. Зачем было так себя накручивать? Скоро он вылечит руки, выиграет денег и поедет в порт Еванды. Там будет много людей с Соаху, и все сплетни развеются, а до того не стоит забивать ими голову. Но спокойней от уговоров не стало. Теперь больные запястья угнетали еще сильнее. Порезанное неплохо затягивалось, а сломанному нужен был долгий отдых.

В тот же день юноша отправился ловить на улицах торговцев. Как очумелый спрашивал у каждого про Соаху. Большинство повторяли сплетни о смене власти, но с чьих-то слов. Сами они этого не слышали. А потом Нико увидел то, что выбило почву у него из-под ног: в сторону площади проехала вереница соахских расписных повозок, окруженная кавалькадой стражников. Вместо красного с золотым все они носили вышитый на плече розовый герб Судмира с изображением слонов, играющих солнцем.

Нико мутными глазами наблюдал, как рабы ставят палатки, пока торговцы один за другим собираются в питейной. Потом вошел следом, держась за стены.

– Ты погляди-ка! Набрался с самого утра и опять лезет, – рассмеялся кто-то ему вслед.

Нико подошел к столу богачей, только что разместивших объемные зады на мягких стульях в середине залы, и спросил севшим голосом:

– В Соаху сменилась власть?

– Так уже трид как сменилась, а ты с Соаху, мальчик?

Нико не видел говорящего. Перед глазами все плыло. Сердце ухало где-то на дне грудины.

– Как это вышло?

– Не наше дело. У посла спроси, если хочешь. Он пару тридней назад в порту сошел. Наверное, уже в столице, – фыркнул один из торговцев.

Нико бездумно поплелся к выходу. Кто-то толкнул его.

– Эй! Куда прешь?

Не помня себя, юноша выпал на улицу и расхохотался до слез.

– Вот же бред!

Он согнулся пополам и продолжал смеяться. Громко. На всю площадь. Потом сел на корточки и, обхватив себя за плечи, шептал, как заведенный:

– Бред... какой бред.

Входящие пнули его, чтобы не мешался у входа. Нико повалился набок и с трудом сел. Ему хотелось броситься обратно к торговцам. Пусть признаются в дурацкой шутке, пусть сорвут мерзкие розовые гербы с одежд и палаток! Им там не место!

Как в полусне он добрался до койки в лечебнице и уснул, надеясь, что так избавится от кошмара. Но наутро чуда не случилось.

Осознав это, Нико напился до беспамьятства и натворил много глупостей. В питейной подрался с кем-то и схлопотал под ребра. Устроил погром в лечебнице, за что его тут же вышвырнули. Без единого гроша в кармане шатался по улицам, вопя: «Седьмой жив! Слава ему!» Просил прохожих сыграть в го, чтобы купить место на корабле и немедленно отправиться в Соаху. Потом просто угрожал первым встречным и требовал денег. Его били, валяли в грязи. Стражники забрали кинжалы, а пока Нико опорожнял желудок среди нечистот городской свалки, куда оказался выброшен, какой-то шустряк стащил с него плащ и ботинки. Нико даже не смог отбиться от воришки. Вот уж где позор.

Он очнулся ранним утром в окружении вонючих мешков, огрызков и шелухи. Трясущимися пальцами натянул на себя кусок рваной материи. Снова болели ребра, лицо превратилось в опухшее месиво. Заиндевелый виноград над головой шуршал блеклыми листьями. Лужи затянулись тонким льдом. Нико скорчился и зарыдал. Он чувствовал себя ничтожным, одиноким и маленьким. Пустой оболочкой прежнего принца. Кожицей цикады.

– Отец... Мама!

Нико хотел, чтобы они появились сейчас же. Немедленно. Пришли и забрали его из этого ужасного места. Хватит пыток, он все осознал, он никогда больше не покинет Соаху, только пусть все станет по-прежнему! Пусть окажется, что Седьмой просто преподавал сыну урок. Подкупил всех этих людей, велел нашить гербы Судмира и поставил мальчишку кричать под окнами.

– Пожалуйста, это сон. Пусть это будет сон...

Уткнувшись в колени, принц затих под вонючей тряпицей. Отчаяние навалилось с такой силой, что захотелось умереть.

Глава 5 Ужасное пятно

*Запись от вторых суток Белого Дракона.
Первый узел. Трид спящих лесов. 1020 год эпохи Близнецов.*

*Не вижу ни зги, окружен темнотой и кошмаром.
Мне до смерти страшно и хочется спрятаться где-то.
Здесь рыжий шаман, он погиб, по нему панихиду
Я слышу и сам под нее умираю неспешно.*

* * *

Утром после дня фейерверков провидец Ясурама спешил в гости к провидцу Доо за последними новостями. Деревья сбросили почти всю листву, и каждая зябкая ночь неумолимо приближала Чаин к триду спящих лесов.

Ясурама был очень худ, хотя ел как не в себя, и имел неприятный цвет лица, про который врачи говорили – это от избытка желчи. Проходя мимо яблонь с еще не оборванными гирляндами, он незаметно дышал в рукав, проверяя запах изо рта. После вчерашнего праздника с обилием выпивки мятные конфеты унимали его слабо.

Домик провидца Доо находился в самой дальней части храмовых угодий, недалеко от хозяйственных построек. Такое положение говорило о том, что провидец не очень хорош в своем ремесле. Но никто не мог предвидеть удачи, ниспосланной Доо как раз по этой причине, и Ясурама вдвойне радовался их давней дружбе.

Через несколько минут слуга впустил его в гостевую комнату, и навстречу тут же вышел румяный, пухлолицый провидец.

– Ах, какая приятная неожиданность! – воскликнул он, ударяя в ладоши. – Мы давно не виделись, дорогой Ясурама! Я так рад вашему визиту!

Виделись они только вчера вечером и выпивали вместе до глубокой ночи, а встречались каждое утро, но Доо всегда приветствовал Ясураму так, будто тот прибыл из-за моря. По традиции они дернули друг друга за шнурки на рукавах и принялись обмениваться обязательными комплиментами.

– Сегодня вы свежи и прекрасны, как весенняя листва! – восхитился Доо, хваля ярко-зеленое платье Ясурамы.

– А вы... ваш наряд... Он такой коричневый... Такой коричневый, как... – начал было Ясурама, косясь на дверь в уборную, потом запнулся и надолго замолчал. – Послушайте, друг мой, – не выдержал он после минуты мучительных соображений. – Только прошу, не обижайтесь, но позвольте спросить, почему вы надели это платье? Право, у меня даже не находится к нему приятных сравнений!

Доо проследил за взглядом Ясурамы в сторону уборной и побледнел, догадавшись, какое именно сравнение пришло на ум недалекому товарищу.

– Ах, вы же не знаете, друг мой, – заулыбался он, хватая гостя под руку и указывая на низкий столик, где слуга уже разливал жасминовый чай. – Недавно я встретил моего Оситу, так он сказал, что Кайоши-танада носит одежду точно такого цвета! Я как узнал, сразу же сходил к нашему Урамаги и велел ему шить это платье. Мне кажется, в горчичном оттенке кроется какой-то секрет.

– Полагаете, он помогает от несварения? – задумался Ясурама, усевшись на подушку.

– Разве я похож на того, кто этим страдает? – почти обиделся пухлый Доо, запихивая в рот большой кусок утки. – Я думаю, горчичный цвет помогает в видениях! Осита сказал, что у Кайоши-танады горчичная пижама!

– Тогда я тоже должен поскорее купить себе такую пижаму! – разволновался Ясурама, шумно отхлебнув чай. – Если уж Кайоши-танада предпочитает понос... горчичный цвет, в этом наверняка сокрыт особый смысл!

– Да-да, – мягко закивал Доо. – Вот и я так подумал, поэтому купил обрез шелка сразу для трех нарядов. Утром я хожу в этом, вечером в другом, а на ночь надеваю коричневую пижаму.

– Вы невероятно сообразительны, – искренне восхитился Ясурама. – А есть ли еще новости про Кайоши-танаду? Осита не сказал, почему он вчера не вышел посмотреть фейерверки? Неужели прекрасный Цветок все еще так опечален струями жестокого дождя, поранившими его лепестки?

– Этого я пока не знаю, – хитро прищурился Доо. – Я видел Оситу всего раз, и он очень спешил. Но я надеюсь, когда его мне вернут, у нас будет мно-ого хороших новостей. Я велел мальчишке врываться в комнату Кайоши-танады неожиданно, чтобы он смог разглядеть как можно больше интересных вещей. Уверен, он выведает какие-нибудь полезные нам секреты.

– Но Кайоши-танада не будет доволен таким слугой!

– Оситу дали ему по велению императора, – захихикал Доо. – Разумеется, слуга такого плохого провидца, как я, – самый плохой слуга в храме. И разумеется, Кайоши-танада им недоволен. Но его недовольства будут игнорировать до тех пор, пока не закончится наказание. А потом мы найдем применение новостям Оситы, не так ли, мой уважаемый друг?

С этими словами Доо подвинул Ясураме блюдо с соевым соусом. Тот обмакнул в него ломтик рыбы и от волнения проглотил, почти не жуя.

– Кстати о вчерашних мэджу. – Доо понизил голос, глядя на тканевую дверь, за которой стоял слуга. – Какое выступление понравилось вам больше всего?

– О чем вы?

Пухлый провидец торопливо достал что-то из кармана и разложил на столе. Ясурама едва сдержал вздох восхищения. Это были маленькие деревянные таблички с портретами первых красавиц Пичита. Девушек изобразили по пояс, в платьях нежного оттенка и с прекрасными гребнями в волосах. Фоном служили подходящие образу каждой цветы. У одной были нарциссы, у другой – петунии, у третьей – розы, а у четвертой – роскошные астры.

– Ясурама, что же вы так задумались? – зашипел Доо, косясь на вход. – Не можете вспомнить вчерашние выступления?

– Н-нет! – спохватился тощий провидец. – Просто они все так хороши! Были... Вчера... Я даже не знаю, какое выбрать, но, пожалуй, если подумать, четвертое понравилось мне больше всех.

Доо подвинул ему крайнюю табличку, остальные сгреб и положил в карман. Ясурама, воровато озираясь, спрятал портрет в рукаве, и оба продолжили с заговорщицким видом пить чай.

Провидец Доо всегда умел добывать вещи из-за стены, и Ясурама в первое время понятия не имел, как ему это удастся. Свадебные рисунки – униками – заказывали живописцам, когда девушка из аристократической семьи достигала брачного возраста. На другой стороне таблички можно было прочесть имя невесты, ее происхождение и таланты. Таких униками делали от десятка до сотни, это зависело от богатства семьи.

Портреты выставлялись в общественных местах и магазинах, чтобы женихи могли присмотреть себе жену. Униками стоили дорого, и парень из бедного рода попросту не смог бы их купить. Если юноша был состоятелен и ему очень понравилась девушка, он приобретал большую часть портретов, и тогда невесту отдавали замуж без лишних слов. В иных случаях устраивали что-то вроде торга.

Ясурама побеседовал с другом еще час и нехотя отправился домой. Его комнаты были ярче и просторней. Шелк на стенах не так выцвел, и в кухонных шкафах, помимо глиняной посуды, стоял расписной фарфор, подаренный благодарным за сбывшееся видение чиновником. Ясураме прислуживали двое интеллигентных молодых людей, похожих на тени, а у Доо был только шумный болван Осита, которого даже не воспитали как следует, прежде чем продать Цу-Дхо.

Друг был худшим из предсказателей, и заговаривать с ним, если ты выше по рангу, считалось зазорным, но Ясурама вырос вместе с Доо, и его всегда тянуло в маленький домик с простой обстановкой, где было уютно от тесноты и веселой болтовни прыщавого мальчишки.

Ясурама прошел в комнату, сел у окна и вынул из рукава табличку. Девушка была юна и прекрасна. Ее звали Сэй, и розовый цвет платья очень ей шел, как и астры, и рубиновый гребень в причудливо уложенных волосах. Сэй наверняка давно замужем, поэтому таблички продали по дешевке, и кто-то из мэджу пронес их в храм, зная, что в месте, где живут одни мужчины и не на чем отдохнуть глазам, такие вещи ценятся на вес золота.

Раньше портреты радовали Ясураму, но сегодня он окунулся в печаль, одолевавшую его все чаще и особенно поздней осенью. Ему исполнилось уже тридцать шесть, и обет безбрачия давно перестал быть просто словами, которые, будучи юнцом, Ясурама не понимал.

Он попал в храм в семь лет, как и Доо, и другие провидцы. И все они жили здесь, будто в тюрьме. Подобные среди подобных. Некоторые счастливицы умудрились найти свою симпатию в детстве и воображали ее в фантазиях, а порой до того сходили с ума, что пытались связаться с ней. Они никогда не брали у мэжду уникоми, боясь разглядеть в чертах очередной невесты свою возлюбленную. Это было бы чересчур жестоким ударом.

Ясурама покрутил в руках портрет Сэй, отпер тайную шкатулку, ключ от которой всегда носил на шее, и спрятал табличку среди десятка других, раздобытых Доо. Провидца давила меланхолия, и он порой готов был проклинать порядки храма, по которым считалось, что женщины не должны ступать за ворота и смущать мысли предсказателей, загрязняя их канал и отвлекая от видений. Что толку от этих правил, если каждый обитатель храма все равно находил способ думать о недоступном?

Не поддавались соблазну только младшие ученики и Кайоши-танада, но касательно последнего Ясурама сомневался, что он вообще человек. Первый провидец императора не общался ни с кем, кроме Цу-Дхо, и у его слуг невозможно было узнать ничего интересного, потому как все трое преднамеренно были неграмотные и немые.

* * *

*Материк Намул, Царство Семи Гор, г. Эль-Рю,
1-й трид, 1020 г. от р. ч. с.*

Городская тюрьма находилась на окраине Эль-Рю. Людей здесь держали от силы несколько суток, потому что Царство не выделяло денег на еду для заключенных. Суд происходил быстро, и шансов на побег у пленников не было. Если преступление считалось серьезным, за них приносили выкуп, а когда платить оказывалось некому – казнили. Липкуд на этот счет и не чесался: вряд ли его проступок тянул на большой штраф.

Камера была маленькая, полуподвальная и до одури холодная: через забранное решеткой окошко под потолком дул сырой ветер. Вскормленная дождевыми потеками плесень цвела и вдохновенно воняла по всем углам. Ползли тут и там трещины, штукатурка во многих местах обвалилась и мешалась под ногами.

– Ну, бывало и хуже, – сказал Липкуд, оценив обстановку.

Элла пожала плечами:

– Отдельно нас н-не посадили, так что мне нравится.

Косичка подошел к стене, внизу желтой от мочи, поприветствовал колонию клопов и вперился взглядом в каракули, оставленные прошлыми узниками.

– Т-ты что там высматриваешь? – спросила Элла, болтая ногами.

Она сидела на лавке, прибитой к стене, и теребила соломинку.

– Да, может, тут кто-то записал таинственную историю своей жизни, – пробормотал Липкуд. – Я такие вещи не упускаю.

Но ничего похожего на буквы не было, и Косичка разочарованно цыкнул. Он достал из кармана красный мелок и принялся рисовать большого, в собственный рост, человечка.

– Что это ты д-делаешь? – оживилась Элла, приподнимаясь и вытягивая шею, чтобы лучше рассмотреть.

– Запечатлеваю историю! Пусть народ фантазию развивает и слагает потом легенды про шамана. Вот увидишь, скоро очередь в эту камеру выстроится, а то скука тут смертная. – Косичка сунул Элле уголек. – Давай-ка, помоги мне. Рисуя страшные ветки, как на том болоте, где мы были. Я потом холмы с гробами добавлю.

Девочка принялась за дело с завидным энтузиазмом.

Липкуд намалевал страшнющее лицо и ударил в него кулаком с воинственным воплем:

– Проклятый Косичка! Ты и твой большой рот! Все ты мне испортил! Меня бы уже по театрам разрывали, а ты!

Он ударил еще раз, потряс ушибленной рукой, вздохнул и ссутулился. Притихшая Элла похлопала его по спине.

– Ну зачем я ляпнул, что ты порченная! – Липкуд взъерошил без того лохматые волосы и яростно потер лицо, оставив на нем красноватые следы.

Выглядел он чучелом, несмотря на попытки Эллы пригладить огненную проволоку на голове.

– Д-давай я тебе косички заплету, – предложила она, когда уголек закончился. – Т-только достань свою гребенку.

Липкуд оценил рисунок – воинственный косоротый человечек в окружении черных ветвей, позади холмы с гробами и угольное пятно в роли шамана, – хмыкнул и в силу частичной грамотности подписал: «Лидяной колдун на клатбище».

Потом он уселся на лавку и несколько минут сосредоточенно рылся в карманах. Быстро темнело, и становилось холодно. Подвальная тюрьма зимой – хуже не придумаешь. Эдак оченеть недолго, и никакой морозной болезни не понадобится.

Отыскав расческу, Липкуд сунул ее девочке, шмыгнул носом и зевнул, глянув на дождевые струи, лившиеся за окном. В свете фонарей блестели мокрые металлические прутья. Брызги залетали внутрь, разбавляя спертую вонь.

Элла возилась с волосами, разбирая и вплетая в пряди шнурки, подвязки и ленты разных цветов. Липкуд осоловело пялился на рисунок, в полутьме ставший почти невидимым и очень мрачным. Наверху проехала повозка, и в окно плюхнулась добрая пригоршня воды из лужи. Косичка нехотя подвинулся в глубь камеры.

– Слушай, – сказал он через некоторое время. – Тебе не кажется, что шаман на нас смотрит?

Элла перестала распутывать очередной колтун и воззрилась на угольное пятно.

– Д-думаешь, смотрит?

– И как-то зловеще, – шепнул Косичка. – Мне прямо не по себе. Аж мурашки по телу. Зря я его нарисовал.

– Т-тогда сотри, – посоветовала Элла.

– Да ты что! Это очень неуважительно. Может, сама сотрешь?

– Н-нет. Я боюсь.

Девочка залезла на лавку с ногами и прижалась к спине Липкуда.

– Мне теперь тоже к-кажется, что он смотрит.

Черное пятно не шевелилось, и спустя пару минут Косичка-таки заставил себя отвлечься, но по-прежнему чувствовал шаманий взгляд.

– Ладно, ерунда это все. Сами нарисовали, сами боимся, смешно даже. Доплечай, пока светло, – сказал он. – А то скоро фонари погаснут.

Элла тут же успокоилась и вернулась к работе, чудом различая что-то в полумраке. Липкуд зевнул так широко, что едва не вывихнул челюсть, и стал подгребать к себе прелую солому.

– Готово! – сообщила Элла.

– Тогда давай спать, – сонно пробормотал Косичка и тут же встрепенулся. – Слушай, оно меня все-таки беспокоит. Может, его другим мелком закрасить? У меня немного красного еще осталось...

– А он нас не сожжет? Это же будет огненный ш-шаман, если его красным мелком... Он, наверное, морозных н-не любит.

– А что, если они все там огненные были? – осенило Косичку. – И поэтому болезнь мою не забрали? Жара с холодом плохо уживаются! Надо будет весной еще кладбищ поискать...

Элла зевнула в ладошку. Липкуд укрыл девочку кафтаном, поерзал, устраиваясь удобней, и прислонился к стене. Сон смеживал веки, но Косичка долго ему не сдавался, нет-нет и поглядывая на плоды творчества. Наконец он расслабился – и тут же ощутил сильный рывок, будто его дернули вверх. Липкуд распахнул глаза, обнаружил себя стоящим прямо перед рисунком, от испуга шархнулся к лавке, но не ударился об нее, а провалился в соседнюю камеру сквозь стену, на миг став частью каменной кладки. Мягко приземлившись на спину, ошалелый Косичка приподнялся на локтях и тут понял, что не видит своего тела. Из окошка под потолком сочился тусклый свет, так что дело было вовсе не в кромешной тьме. Певун еще раз оглядел себя, но ничего не обнаружил.

– Я стал пятном!!! – в ужасе заорал он, вскочив на невидимые ноги и забежав по пустой камере. – Шаман меня проклял! Я пятно!

Косичка замер и позвал Элли, но девочка не отвечала, и Липкуда накрыла новая волна истерики.

– Что я натворил! – Певун опять начал метаться от стены к стене. – Элла, сотри рисунок! Это был какой-то обряд! Я провел сюда шамана с кладбища! Он пришел и сделал меня пятном! Т-то есть призраком! Элла, просыпайся! Я призрак! Элла!

Тут он остановился и облегченно выдохнул, утирая невидимый лоб.

– Ох, да я же уснул... Вот бестолочь. Это просто кошмар. Только... странный какой-то. Надо бы уже проснуться. Я же просыпаюсь, когда пугаюсь. Сразу просыпаюсь. Вот в ту же секунду...

– Ты не спишь, Липкуд Косичка, – сказал кто-то, стоящий за стеной.

– Шаман, ты, что ли?

– Да, это я.

– Отлично! – хмыкнул певун. – Не успеешь сам себя напугать, как эта дурь тут же в сон лезет. А ты это зря. Я тренированный. Так, проснись, Липкуд, проснись. Давай, ты же это умеешь, когда захочешь!

Он похлопал себя по щекам, но ничего не произошло.

– Это не сон, – сказал шаман. – Вернись в свою камеру.

– Да как же, – пробормотал Косичка, ныряя обратно к темному пятну.

На лавке сидел, обнимая спящую Элли, он сам.

Если бы Липкуд мог упасть в обморок в этот миг, он бы упал.

– Эй, колдун! Ты правда меня проклял?! Это из-за того, что я твой покой потревожил на кладбище, а потом рисунок с тобой нарисовал? Ты пришел и сделал меня привидением?

– Я пришел за твоим даром.

Косичке показалось, что он услышал ответ как бы поверх других слов. Будто колдун говорил на иноземном языке, а Липкуд почему-то понимал. И тут он вспомнил слухи про особую шаманью речь, которой примали пользовались только между собой.

– А раньше взять не мог?! – начал было Косичка и осекся, с удивлением заметив, что тоже выговаривает незнакомые фразы. – Я думал, ты сразу забереешь!

– Благодарю, что я не убить тебя пришел. Ты нарушил мой покой, потревожил кладбище и тишину на нем, а твоя девочка носилась среди курганов, как мотылек над цветущим садом, выражая беспечную радость в месте скорби. Я могу жестоко тебя наказать.

– Не надо. – Косичка отступил на шаг. – Слушай, шаман, я всем скажу, чтобы не ходили туда. Никто тебя больше не потревожит. Я всем в Папарии скажу! Они перестанут эти обряды на смелость проводить, я обещаю!

Липкуд говорил и чувствовал, что боязнь отступает. Черное пятно не шевелилось, и от него веяло какой-то безысходностью, ну точно как от мертвого, которому ничего уже не совершить, только лежать годами в деревянном ящике.

– Я пришел за обещанным, – сказал шаман. – За твоей морозной болезнью. Я не взял ее в тот раз, ибо не нуждался в ней. Но сегодня особенный день.

– Так бери скорее! – заволновался Косичка. – Только я не знаю, как ее тебе отдать!

– Я не могу получить твой дар, пока мы в разных мирах. Ты жив, а я мертв. И не воскресну еще долго. Но ты можешь сделать для меня кое-что. Иди за мной и используй морозную болезнь, как я велю. Потом я верну тебя обратно в тело.

– Ага, еще чего. Хочешь, чтобы я ушел отсюда подальше и тебе достался? – пробормотал Липкуд, пятясь к лавке. – Н-не хочу. Не пойду никуда. Я не дурак!

– Тогда ты умрешь, – хищно прошипел шаман. – Я отделил твой дух от тела, вырвал тебя из него. Оболочка скоро омертвеет. Сначала отомрут конечности, затем внутренности. Твое сердце бьется так слабо... Так слабо...

Липкуд обернулся: Элла заерзала, почуяв неладное.

– Эй, – шепнула она испуганно. – Т-ты спишь?

Безвольное тело Косички поползло вбок, а сам он понял, что все происходит взаправду.

– У тебя нет выбора, певун. Ты предложил мне свой дар, и я пришел за ним или за твоей жизнью.

– Как мне поверить? Как я узнаю, что ты... вернешь меня?

– Так же, как эта девочка верит тебе, – усмехнулся шаман. – Не каждая беловласка погибает от доверия. Иди за мной и делай, что я говорю.

– Чего конкретно ты хочешь? – мрачно спросил Липкуд.

– Выступления. У меня есть знакомые мертвецы. Им одиноко и грустно, некому их развлечь. Они хотят увидеть твою пьесу, певун. Эта история им близка, и ты сыграешь ее для них, но только так, как я тебе прикажу. Скорее! Или ты хочешь умереть за болтовней?

Липкуд метнул испуганный взгляд на Эллу. Она ревела, пытаясь его растолкать, и звала на помощь. Воздух звенел от страха и напряжения. Косичка прикоснулся к угольному пятну и...

Что было потом, Липкуд не запомнил. Он очнулся от рыданий Эллы, смахивавшей с его лица тонкий лед.

– Не реви, голова болит, – прохрипел Косичка, пытаясь открыть глаза, но не тут-то было: ресницы слиплись. – Подуй мне на веки.

Элла всхлипнула, шмыгнула носом и принялась дуть. От нее пахло гречневой кашей, которую давали на ужин. Руки у Липкуда не шевелились.

– Так, – сказал он, проморгавшись от талой воды. – Разотри-ка меня хорошенько. Кажется, я в инее весь.

– Я т-тебя все время грею-грею, а т-ты чуть л-ледышкой не стал, – задыхаясь, сообщила Элла. – Лед в-езде был. Под одеждой даже! И вся камера белая! Уже оттаяла, правда. А так и снег шел.

– Долго я спал?

– Н-нет. Не очень. Я шамана мелом закрасила! Нашла у тебя в кармане белый мелок и закрасила!

– Умница! – Липкуд наконец смог пошевелить рукой, прижал Эллу к груди и погладил по серебристым волосам. – А то я бы умер. Этот шаман проклятый за мной приходил, велел каким-то мертвякам пьесу сыграть, ты представляешь?

К телу медленно возвращалась жизнь, и Липкуда начинало колотить от холода. Элла подскочила, принялась его растирать. Она была опухшая от слез, но до того деловитая, что Косичка невольно умилился.

Свет фонарей все еще падал сквозь окошко внутрь камеры, и произошедшее теперь уже точно казалось дурным сном. Он пах снегом и мокрой землей, как намулийские степи в середине зимы. Звучал голосом шамана, скрытым за пеленой вихрей. Смотрел из непроглядной

темноты и выбивал мурашки. Липкуд подумал, что и в самом деле вернулся с того света. От этой мысли сердце забилося сильнее и спустя минуту грохотало так, что казалось – оно пульсирует в висках.

– Ужас! Ужас! Кошмар какой! – воскликнул Косичка, сгребая девочку в охапку.

Безмятежность лопнула, словно чувства вдули в бычий пузырь, чтобы их не было ни видно, ни слышно, а затем, шутки ради, проткнули натянутую пленку. Скомканные, перемешанные потоки ужаса, возмущения и ликования рухнули на Липкуда, окатив с ног до головы. По телу прошла волна жара, потом волна озноба и снова жара. Косичка вспотел, порозовел и перестал дрожать.

– И хоть бы один плешивый охранник появился, а! Ты так вопила, что полгорода проснулось, а они даже проверить не спустились, чего тут произошло. Ясное дело, всем плевать на бедняков. Но меня больше другое поражает. Неужели у людей совсем нет любопытства? – Липкуд тяжело вздохнул. – Вот я бы точно прибежал на твой рев... Сидим тут, как в каменном гробу. Вечером еще хоть повозки туда-сюда катались. А сейчас что... темнота кромешная и тишина болотная, даже крысы не пищат.

– Скоро люди п-проснутся и будут опять шуметь, – утешающе сказала Элла. – Я н-не хочу, чтобы утро т-торопилось. Еще н-неизвестно, какое нам придумали наказание.

– Так жить хочется! – воскликнул Косичка. – Страшно хочется жить. Столько историй не услышал, столько песен не спел, столько шуток не рассказал. Я твердо решил дурью больше не маяться. Буду теперь тише воды ниже травы. Уйдем с тобой куда-нибудь в городок поменьше и там осядем. Ну его, этого Боллиндерри. Мечта у меня все равно сбылась, теперь уже так гаденько на душе не будет. Я как подумал про смерть, как она мне в лицо дыхнула, так ты знаешь, сразу оказалось столько дел незаконченных! А то кровь в голову ударила из-за этого ненормального. Ну, кудрявый такой из Унья-Паньи, помнишь?

– Это который мне булку дал?

– Это который по дури против толпы моряков из-за тебя выступил. Я уж так вдохновился им! Вот, думаю, живет человек, горя не знает. Точно тебе говорю, кто-нибудь его уже прибил. Не люблю проблемы, а после того, как встретил этого парня, заразился ими прямо. Лезут со всех сторон.

Элла недовольно засопела.

– Да я не про тебя. Ты-то меньшая из проблем. Даже почти не проблема. Даже совсем не проблема. Даже наоборот. Ты вон меня от шамана спасла, и из болота вытянула, и Снежницу сыграла. Слушай, Элла...

– Мм?

– А если подумать, без тебя меня бы давно заражение проблемами убило. Ты у меня навряд ли лекарства получаешься. – Липкуд похлопал девочку по спине. – Но если я к тебе привяжусь, то брошу, поняла?

– П-почему?

– А потому. Одно дело, когда за себя переживаешь, и совсем другое, когда еще за кого-то. Я ответственность не люблю. И вообще я человек свободный.

– А д-давай, если ты ко мне п-привяжешься, то мы в-все равно будем вместе ходить. Б-будем оба с-свободные, п-просто ходить будем вместе.

– Вот так вот бабье мужиков и охмуряет! Этими вот вывертушками вашими! А потом жениться приходится. Ты такая маленькая, а уже такая хитрая. Нет уж. Брошу так брошу.

– Т-тогда ты меня брось, а я тебя н-не буду.

– Ох, Элла... – усмехнулся Липкуд. – Куда ты планы строишь? Нам бы до завтра дожить. Что-то у меня предчувствие нехорошее насчет нашего наказания.

– Д-думаешь, что-то плохое случится? – испуганно вцепилась в него девочка.

– Где это я такое сказал? – спохватился Косичка, заворачивая ее в кафтан. – Имел в виду, что не хорошее, а самое лучшее. Замечательное просто.

Элла тут же радостно захихикала ему в подмышку. В такие моменты певун готов был целовать затмение, наделившее девочку легковерием.

– Что-то он мне говорил в конце... этот шаман, – пробормотал Липкуд, засыпая. – Перед тем как ты его замазала... Важное что-то...

Глава 6 Тающая мгла

*Запись от первых суток Белого Дракона.
Третий узел. Трид тонкого льда. 1019 год эпохи Близнецов.*

*Теперь мне понятно – она, умерев, сгубит брата,
Что все еще бьется и ропщет в неволе пустыни.
Он сам уничтожит себя, выев душу до корня,
Лишь только узнает о тягостной сестринской смерти.*

* * *

На берегу Красного озера было тихо и спокойно. Слуги еще не собрали потемневшие трубочки фейерверков, и они торчали из песка подобно обугленным драконьим сигарам. Кай-оши водил пальцами по шелковым крупинкам и читал мантру. Его дух пребывал в сильном смятении от события, которому предстояло вскоре произойти.

Настоятель Цу-Дхо в неизменном сером халате только что закончил вечернюю медитацию и причалил к зарослям солончака. Он вытащил лодку на берег, хотя мог бы позвать для этого слуг, и, разогнувшись не сразу, увидел Кайюши.

С тех пор как разгневанный провидец выгнал настоятеля из покоев, они не разговаривали, и юноша чувствовал тяжесть на сердце, а поделиться с Цу-Дхо проблемами не мог и потому избегал его общества. Но сегодня он пришел сюда нарочно.

– Ветер приятен, словно шелк, прогретый на солнце, – сказал старик, подходя к Кайюши. – Могу я присесть?

Провидец подвинулся, освобождая часть бамбуковой подстилки, и настоятель устроился рядом. Некоторое время они молчали, глядя на звезды, отраженные зеркалом мертвого озера, потом Кайюши спросил:

– Цу-Дхо, вы верите в путешествия духа вне тела? Я недавно прочитал трактат Шаа-танады, и мне кажется, что там сплошное вранье.

– Если бы вы так думали, полагаю, не завели бы этот разговор, – вздохнул настоятель, пряча ладони в рукава. – Вы прочли трактат и решили повторить его опыт, поэтому упустили видение о матери императора?

Кайюши оцепенел. Он не ожидал, что Цу-Дхо одним тигриным прыжком настигнет его тайну.

– Да, так и есть, – сказал он как можно спокойнее. – Виной всему мое любопытство.

– Что ж, если причина в этом, полагаю, мне не стоит беспокоиться. Вас сильно обжег первый опыт. Вы ведь не станете его повторять?

Кайюши промолчал.

– К сожалению, духовные практики Шаа-танады до сих пор не доказаны, – продолжил Цу-Дхо, не дождавшись ответа и заметно помрачнев, – а опыты его учеников не дошли до нас в письменном виде. Я даже сомневаюсь, что у него были ученики. Судя по записям, Шаа-танада все свое время посвящал раскрытию личных качеств, и ему было не до проповедей. У вас такой же великий дар предвидения, но я полагаю, он иного характера.

Кайюши горько усмехнулся про себя. Он давно превзошел Шаа-танаду и в предсказаниях, и в искусстве внетелесных перемещений. Просветленный монах совершенствовал практики на достаточно короткие расстояния и ни разу не выходил за пределы Чаина, а Кайюши сумел пересечь огромное пространство и оказаться в другой точке мира. Конечно, без записей Шаа-танады и подсказок Богов это не далось бы ему так легко, но концентрация внимания, которой учил храм, и методики самовнушения вкупе с дарами обоих Ближнецов сделали Кайюши не просто одаренным провидцем, а кем-то гораздо большим.

Друзья слушали безмолвие, и в этот миг мысли настоятеля и сына Драконов были обращены друг к другу сильнее, чем когда-либо, но находили на стену молчания и оставались в плену внутреннего монолога.

«Возможно, это наша последняя беседа, Цу-Дхо, а я так и не смог вам признаться... – обреченно думал Кайюши, глядя на засыпанный песком фейерверк. – Я похож на эту черную палку. Моя судьба вспыхнула ярким солнцем и осыпалась блестками надежд. И теперь я – забытый в песке мусор. Огненные цветы не распускаются дважды, мое лучшее время закончилось. Я своенравный мальчишка в ваших глазах, Цу-Дхо. Провидец с большой гордыней. Я всегда соревновался с мертвыми, ибо только там были достойные мне соперники. Я сам виноват, что вы теперь думаете о Шаа-танаде как об очередной моей цели. Или вы боитесь, что я теряю дар. Если я расскажу вам о моих видениях, что вы подумаете? Я чувствую следы Такалама под своими ступнями. Его тоже что-то вело. И его тоже мучила тайна. Но он хотя бы знал ее суть, а я ничего не смогу вам объяснить. Я и сам не понимаю, что происходит».

Расставшись с Цу-Дхо, Кайюши не пошел обратно в покои, а тайком ото всех отправился в другое место и спустя несколько часов стоял высоко в горах Сай, на вершине скалы, дрожа

от холода. Ветер развеивал полы его фиолетово-золотых одежд, окрашенных в ночную темноту. Позади шумели сосны, а внизу переливался, отражая свет храмовых фонарей, берег Красного озера. Кайоши жалел, что не может уловить всего величия водной глади, простиравшейся далеко на восток, до самой Шанвы, но и это зрелище радовало его.

Здесь, на краю обрыва, монахи давным-давно построили молельню. Теперь она была заброшена, потому что часть тропы обвалилась, и ходить сюда стало небезопасно. Но чем выше к небу, тем ближе Боги и тем лучше они слышат людей.

Кайоши временами поскальзывался, цеплялся за колючие кусты и падал из-за неудобных деревянных башмаков. В итоге он избавился от них, но все равно расцарапал руки в кровь, стер локти и колени.

– Великие Драконы, – сказал провидец, обхватив себя за плечи. – Я знаю, что это игра, придуманная вами. Мне неведом ее смысл, я понимаю лишь то, что должен сражаться с Судьбой и у меня нет выбора. В этой игре есть фишки – люди, приходящие ко мне во снах. И часть их принадлежит мне. С помощью их я могу делать ходы. А остальными руководит судьба. И мне не изменить ее решений, не повлиять на узор в определенных местах гобана. Я должен искать способы обойти события, которые уже случились или точно произойдут в будущем.

Я не догадываюсь, в чем смысл этой игры. Не предполагаю стратегии. Не вижу концовки. Я знаю только, что должен пытаться избежать смерти, пока могу. И я не понимаю, почему вы толкаете меня к ней. У меня есть то, чего нет у обычных провидцев, – способность заглядывать в прошлое и великий талант предсказателя. Но у меня нет колдовства прималей, хотя я прималь. Я не могу создавать бури. Не могу замораживать озера. И я знаю, что вы забрали этот дар нарочно. Вы забрали его, чтобы я развивал только предвидение и достиг в нем высот, позволяющих лучше слышать вас.

Но мне не хватает этого умения и фишек, Великие Драконы. Я слишком ограничен в ходах. И то, на что вы толкаете меня... Это убивает. Я понял намеки, вы не научите меня управлять природой. Но если так, то вы не дали мне шансов против Судьбы. Она ходила первой, а у меня нет ни одного моку⁸ преимущества. Разве это справедливая игра? Зачем вам слепой мэжду, который только путает нити в попытке управлять своими куклами? Я не понимаю...

* * *

*Архипелаг Большая Коса, о-в Валаар,
13-й трид 1019 г. от р. ч. с.*

- Слушай, Элиас, – сказал Астре после долгого, сосредоточенного молчания.
- Чего тебе? – буркнул тот, повернувшись на спину.
- Я тут подумал кое о чем. Когда я еще не был прималем, учитель заставил мой дух пробудиться. Это случилось почти сразу после первого испытания. Он раскрыл его, но ненамного, чтобы я привыкал постепенно. Он был сильным прималем и знал, как управлять сознанием. Я этого не умею, но... У меня есть дар управления. Вдруг я смогу заставить твой дух пробудиться с помощью Цели?
- Ты сам сейчас понял, что сказал? – пробормотал Элиас. – Это звучало странно.
- Давай попробуем, может получится.
- Ладно. А что мне делать надо?
- Дай руку, я пройду через нее.

⁸ Моку – фора, дополнительные очки в го, которые начисляются белым за традиционное право черных сделать первый ход. Размер моку зависит от игроков. Чем выше разница в их уровне, тем больше компенсация.

– Сдурел?! – Элиас аж подпрыгнул. – Пройти через руку? Чтобы она у меня потом отвалилась, как твоя?

– Ничего у меня не отвалилось, – нахмурился Астре.

– Не работает зато!

– Ты хочешь стать прималем или нет?

– Уже не уверен.

– Seriously, что ли?...

– Уф. Давай.

Астре взял ладонь Элиаса в свою. Она была холодной и шершавой. Обоих знобило от неподвижного лежания и ветра, задувавшего в убежище поземку.

– Сейчас закрой глаза, постарайся расслабиться и думай, как ответишь на мой приказ. Твое тело должно подчиниться. Направь дух в пространство. Куда-нибудь в воздух над собой. Как только почувствуешь реакцию, сразу вели ей закончиться, понял? Иначе ты себе навредишь.

– Понял.

Астре сделал три глубоких вдоха и сказал:

– Я приказываю себе пройти через тело Элиаса, чтобы пробудить его дух. Я приказываю духу Элиаса откликнуться и выйти за пределы оболочки, следуя за моим духом.

Он пустил поток через ладонь и протянулся внутрь живой плоти направленной нитью. Элиас заметно вздрогнул, но промолчал. Астре старался не подпускать его страх и действовал очень аккуратно. У него осталась единственная конечность. Если он чуть запоздает, отомрет и она.

Волна прошла по жилам и костям, достала до сердца. Слабый поток, которого Астре коснулся, ответил вспышкой энергии и потянулся за ним, как металлическая проволока за магнитом. Она была очень тонкой, именно такой, как хотел Астре. Достаточной для проявления духа, но неспособной навредить хозяину. Ладонь Элиаса начала нагреваться и нагрелась до того, что стала обжигать.

– Эй, хватит! – испугался Астре. – Прекращай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.